

КОСМИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

2012–2013

Оглавление

Предисловие.....	3
Часть первая.....	4
Пространные рассуждения.....	4
Социум.....	6
Человек.....	13
Община.....	24
Синдикат.....	33
Государство.....	43
Режим.....	55
Культура.....	78
Язык.....	84
Религия.....	86
Национальность.....	91
Искусство.....	96
Традиция.....	97
Выводы.....	99
Империя.....	104
Империя сильной личности.....	115
Космос.....	125
Часть вторая.....	139
Основания модели «ИКЯС».....	139
Модель «ИКЯС».....	149
О системе правоотношений в модели «ИКЯС»... ..	160
О практической реализации модели «ИКЯС».....	166
Варианты и выводы.....	180

Предисловие

Данный текст — набор размышлений об идеях, составляющих в совокупности концепцию проекта Русской Космической Когнитивной Партии (условно можно назвать эту концепцию «Концепцией космической империи»).

Цель данного текста — подробное и ясное изложение тезисов концепции проекта Русской Космической Когнитивной Партии («Концепции космической империи»). Поэтому настоящий текст создан в виде рассуждения и оформлен в более или менее доступной манере.

Этот текст представляет собой всего лишь набор социально и политически ориентированных мыслей, то есть принципиально не претендует ни на какую научность или истинность, верифицируемость или фальсифицируемость, и это нарочито подчёркивается всем его оформлением, намеренно сделанным неподходящим для серьёзной научной работы.

В силу описанных выше причин, пожалуйста, не применяйте данный текст в качестве аргументов в каких-либо дискуссиях или спорах и уж тем более не ссылайтесь на него в научных диспутах.

Этот текст — всего лишь упорядоченный поток мыслей. Пожалуйста, пожалуйста, не верьте ему.

Часть первая

Пространные рассуждения

Мир (объективная реальность) состоит из объектов, взаимодействующих друг с другом. Можно дополнить первый тезис ещё одним — все объекты имеют и нечто «общее». Этот дополнительный тезис в монизме может быть истолкован достаточно широко, и в абстрактном виде переформулирован следующим образом: каждый объект взаимодействует с неким сингулярным объектом. Другое возможное следствие второго тезиса — существование неких, общих для всех объектов, законов.

Разумеется, встаёт вопрос — а что является объектом? Что является совокупностью взаимодействующих между собой объектов? Очевидно, что ответ в этом случае целиком и полностью находится в руках «наблюдателя». Логично, кроме того, что понятие совокупности взаимодействующих объектов тесно связано с понятием «система», однако сложность здесь состоит в том, что в настоящее время количество всевозможных попыток создания общей теории систем достаточно велико, а единой, общепринятой и всеобъемлющей теории не существует. Более того, даже само понятие «система» определяется в них по-разному. Известна, тем не менее, фраза Джорджа Клира: «Системой является все, что мы хотим рассматривать как систему». То есть определение объекта и описа-

ние его свойств, определение его принадлежности к какой-либо совокупности и описание взаимодействия внутри неё и вне её целиком и полностью находится в компетенции наблюдателя, который умозрительно вычленяет различные объекты из единой среды для какой-либо цели, противопоставляя их ей. Таким образом формируется временная умозрительная тройка (модель) «наблюдатель–объект–среда», при чём о принадлежности объекта к некоторой совокупности или о его свойствах наблюдатель судит не исходя из его «границ» или «размеров», но исходя из набора операций, которые с данным объектом можно произвести.

Очевидно, что каждый объект может быть рассмотрен как совокупность, равно как и совокупность объектов может быть рассмотрена как единый объект, являющийся элементом какой-либо иной совокупности. Поэтому возможно, во-первых, говорить о «подсистемах» некоторой системы, а, во-вторых, предположить любой физический объект, не принадлежащий микромиру, обладающим достаточно сложной внутренней структурой и входящим одновременно в неизмеримо большое количество всевозможных совокупностей.

Социум

Человек является особым объектом, и учёт этих особенностей при разговоре о человеческом социуме необходим. Это, однако, не отменяет существования и некоторых объективных законов развития социумов. Данное причудливое сочетание является одной из главных особенностей социума конкретно человеческого — на это указывал, например, Берталанфи в своих рассуждениях о «теории личности».

В широком смысле, выводы, к которым приводит эта позиция, во многом являются весьма сходными с некоторыми тезисами так называемой «гуманистической психологии». Вернее даже будет сказать о сходстве в оценке человека и в выводах, на ней основанных.

Впрочем, речь, всё-таки, не об этом. Представим, что человеческий социум состоит из «социальных» объектов, которые взаимодействуют друг с другом. Кем могут являться эти объекты? Как людьми, так и какими-то подсистемами, организациями, структурами. Но все эти подсистемы, подверженные различным внешним воздействиям, факторам окружающей среды (времени и так далее), все эти структуры, в конечном счёте состоят из людей. Человек является финальным, самым базовым элементом любой социальной системы. Можно сказать, что социальность личности является неотъемлемой частью самой человеческой природы.

Это значит, что социум представляет из себя совокупность личностей, людей, взаимодействующих друг с другом.

Логично назвать взаимодействие «социальных объектов» «социальным» взаимодействием. Социальное взаимодействие включает в себя все остальные возможные варианты взаимодействия личностей, поскольку любое другое взаимодействие человека с человеком сопряжено с проявлением его личностных особенностей, мыслительной деятельности, желаний, инстинктов и так далее.

Абстрактная социальная система и абстрактное социальное взаимодействие могут существовать в отрыве от других вариантов взаимодействия входящих в них объектов, но в человеческом социуме это невозможно, поскольку входит в противоречие с самой сутью человеческой личности. Это значит, что:

1. Любая существующая подсистема человеческого социума (экономическая, политическая, любая) является частным случаем **социальной системы**.
2. В основе любого взаимодействия в человеческом социуме (экономического, научного, любого) лежит **межличностное взаимодействие людей**.

Таким образом, экономику и политику, науку и культуру, религию, творчество, всё это можно рассматривать только в рамках социума, как частный случай социума, социальных отношений, а любое взаимодействие в этих областях — как частный случай межличностного взаимодействия людей, социального взаимодействия социальных объектов.

Помимо уже описанного вывода о важности учёта особенностей человека при разговоре о любой подсистеме человеческого социума, можно сделать ещё один вывод — понимание экономики или политики, например, как основополагающих, претендующих на универсальность для построения жизнеспособных моделей существования индивидуума или государственного объединения, не соответствует реальному положению вещей, а значит — непродуктивно и, с большой вероятностью, эти попытки обречены на неудачу.

Это также означает, что существует определённая свобода, независимость во внутреннем устройстве каждой из этих социальных систем.

Тот факт, что, за всё время известного исторического развития человечества (начиная с древнейших цивилизаций), глобальный социум не только не прекратил своё существование, но даже и составляющие его социальные системы в целом не разрушились, позволяет сделать предположение о достаточной устойчивости социальной системы человечества. Действительно, набор основных социальных групп, набор основных систем, существующих в социуме практически не изменился за последние несколько тысячелетий, при том, что сами эти группы и системы претерпели некоторые внутренние изменения. Из этого можно сделать вывод о диссипативности (в модном сейчас «синергетическом» смысле) этих систем.

В замкнутой системе, как известно, существует устойчивая тенденция к росту энтропии (то есть к разрушению связей внутри системы). В диссипатив-

ной же системе существуют особые внутренние процессы самоорганизации, приводящие к возможности уменьшения энтропии. Диссипативная (открытая и неравновесная) система обладает внутренней устойчивостью и способностью к адаптации.

Применительно к социальным системам, это означает, что каждая из систем, являющихся социальными объектами, обладает способностью к постоянному изменению своего внутреннего устройства, **к постоянной перестройке своей собственной структуры**. В таких условиях системы не просто взаимодействуют друг с другом — это взаимодействие является одним из средств, инициирующих такие внутренние изменения. Это значит, что в диссипативной системе происходит постоянный, непрерывный процесс перестройки своей внутренней иерархии. Интересно, что в глобальном смысле изменение структуры социума означает различные изменения в конкретном процентном соотношении существующих групп и систем, в конкретных социальных функциях каждой системы, но не в их качественном или количественном составе.

Сформулируем следующее предположение: существование процесса **социализации** человека означает *непрерывное изменение набора локальных социальных групп (подсистем социума), элементом которых является данный индивид*. Изменение набора локальных подсистем социума, в которые входит данный субъект означает и изменение набора функций, выполняемых им в социуме.

Логично, что человек обладает способностью управлять своим собственным процессом социализации, осознанно включаясь в те или иные социальные совокупности. Логично, что процесс социализации происходит непрерывно, вне зависимости от осознания его личностью. Тогда логично предположить, что социум как сложная децентрализованная система будет стремиться к снижению затрат энергии, необходимых индивидууму для действий по изменению набора социальных систем, в которые он включён.

В этом смысле обеспечение диссипативности социальной структуры есть обеспечение социальной мобильности в ней. Обеспечение социальной мобильности, в свою очередь, есть обеспечение возможности смены набора социальных совокупностей для конкретного индивида, то есть обеспечение возможности нахождения социума в состоянии непрерывной перестройки своей собственной внутренней структуры.

Таким образом, возможно сделать предположение и о том, что глобальный социум является открытой, неравновесной, устойчивой социальной системой. А из этого предположения — структура социума в целом **неизменна и сбалансирована** — несмотря на его кажущуюся простоту, следует уже другой ряд определённых выводов, например, о том, что государство по природе своей занимает определённую социальную нишу в качестве социального объекта — государственной системы, наряду со всеми остальными.

Ещё один важный вывод — происходящие время от времени кризисы в любой из социальных систем являются выражениями, проекциями на данную часть социума момента кардинальной перестройки общесоциальной системы (так называемыми «точками бифуркации»). В такие моменты социум на данной территории (или даже в глобальном смысле) проходит стадию мощного, казалось бы, тотального разрушения старых существующих групп, связывающих их систем и иерархий, однако затем, спустя некоторое время, возвращается в состояние, схожее с существовавшим до этого момента. Также и наполненность социума различными группами тоже восполняется со временем, приходя к соотношению, сходному с общечеловеческим.

Кстати, попытки создания социума, лишённого диссипативности, ограничение способности к перестройке его собственной структуры, всё это тоже обречено на неудачу, поскольку приводит к росту энтропии, ограничивая социальную мобильность. Важный момент — существование любой из социальных систем не прекращается во время таких процессов или же кризисов, но сильно видоизменяется, подстраиваясь, таким образом, под новую, формирующуюся после точки бифуркации, иерархию внутри социума. Всё это происходит потому, повторимся, что такое устройство социума, существование всех этих социальных систем и социальных групп в таком процентном соотношении наиболее сбалансировано для межличностных социальных взаимодействий.

Кроме того, можно сформулировать и некоторые практические выводы:

1. Справедливое общество — открытое общество.
2. Устойчивое общество — открытое общество.
3. Свободное общество — открытое общество.
4. Открытое общество — общество, стремящееся к минимизации энергозатрат, необходимых для смены социальных совокупностей в процессе социализации индивидуума. Проще говоря, открытое общество — общество, в котором обеспечивается простота социальной мобильности.

Человек

Вернёмся, однако, к человеку. Выше уже говорилось о важности учёта его особенностей при разговоре о социальных системах. В чём же состоят эти особенности?

Одной из главных особенностей человека является его способность к абстрактному мышлению. Это значит, что человек способен оперировать не самими объектами, окружающими его, но воспринимаемыми им модулями, абстрактными моделями этих объектов. Способность к абстрактному мышлению, так же как и наличие второй сигнальной системы позволяет человеку осознавать себя самого как личность. Эта способность позволяет человеку производить какие-либо действия осмысленно, осознанно, а не слепо следуя своим собственным инстинктам.

Человек способен контролировать свои собственные инстинкты — это очень важный вывод, который означает, что в каждый момент времени человек и только сам человек, индивидуум способен выбирать, *что* он будет делать, *какой* будет его реакция на внешнее воздействие, *о чём* он будет думать.

Это называется способностью к **управлению** и изменению собственной программы поведения. Человек подсознательно упрощает себе задачу, группируя сходные (в его восприятии) обстоятельства в наборы, которые включают в себя и конкретные действия, реакции на эти обстоятельства. Конкретный набор выбирается в каждый момент времени в силу личностных особенностей индивидуума.

Но не только способность к управлению собой является следствием наличия абстрактного мышления. Куда более важно другое. Как известно, человек полагается на опыт в процессе познания окружающего мира по ходу своей жизни. Но сама суть осознания себя как личности заключается в том, что факт собственного существования становится для такой личности априорным, не основанном на каком-либо опыте. Это и есть те отличия человека, натурального индивидуума от абстрактного и рафинированного «чистого разума», о которых писал, например, Кант.

Да, для реального человека существуют и априорные факты, по крайней мере, факт своего собственного существования. Наряду с первым выводом об управлении, этот тезис позволяет заключить, что *в основе любой деятельности человека лежит его самовыражение. Самовыражение — это творческий процесс переноса внутреннего априорного (собственной личности) на окружающую человека реальность* (понятно, в его собственном субъективном восприятии).

Это значит, что каждый человек, вне зависимости от его положения или статуса или происхождения, по ходу своей жизни подсознательно стремится превратить окружающий его, воспринимаемый им мир в отражение, в подобие его собственного внутреннего мира. И это желание свойственно даже таким людям, которые кажутся кому-то ограниченными или недалёкими, достаточно лишь понаблюдать за их поведением длительное время.

Следует подчеркнуть существование глубокой разницы между творчеством, основанном на желании выражения своей личности и трудом, простым механическим действием. Часто первое подменяется вторым, взять, хотя бы, популярные среди марксистских кругов фразы о том, что «труд сделал из обезьяны человека», однако это абсолютно нежизнеспособная позиция, ставить знак равенства между механической обязанностью, рутинной, от которой большинство людей стремятся подсознательно себя оградить, оптимизировав собственную деятельность и деятельность, в основе которой лежит глубинное, архаическое желание к созиданию и самовыражению, по меньшей мере, странно, если мы конечно не хотим превратить человека в обычного робота-исполнителя.

Но способность к осознанию возможности управления собственной программой поведения влечёт за собой ещё и способность к осознанию влияния и последствий, влекомых действиями индивидуума в отношении других, в отношении его окружения. *Воздействие, приводящее к изменению состояния* (в восприятии индивидуума) *некоего внешнего объекта* можно назвать **управляющим воздействием**. *Воздействие, оказываемое именно ради этой цели* осознанно можно назвать **осознанным управляющим воздействием**. Очевидно, что вся жизнь человека, индивидуума, состоит из различного рода осознанных и неосознанных управляющих воздействий. Более того, этому близко и социальное взаимодействие — социум является одним из внешних, окружающих человека факторов, совокупностью других

индивидуумов. Действия человека, его взаимодействие с социумом изменяет состояние как социума, так и самого человека.

Социальные процессы, действия других людей изменяют как состояние отдельного индивидуума, так и всего социума. Однако человек способен не просто осознать возможные последствия своего воздействия. Человек способен ещё и быть **ответственным** за свои собственные действия.

Иногда прогнозируемый человеком результат своей деятельности отличается от реального (в его собственном представлении), такой ситуации он часто придаёт негативный оттенок. Способность быть готовым к отличиям реального результата действия от прогнозируемого, так же как и способность быть готовым к последствиям, которые действие будет иметь для самой личности индивида — это и есть способность быть ответственным. Ответственному индивидууму не свойственно желать придавать чему-то негативный или позитивный оттенок, ему свойственно трезвое принятие решений в соответствии с априорными качествами своей личности и представлением об окружающей ситуации, какой бы она ни являлась. Такой индивидуум является ответственным за самого себя.

В общественных, научных и политических кругах, близких к англо-саксонской традиции, принято говорить о существовании понятия «общественного договора» — особого «равновесного» состояния социальной системы, при котором достигается компромисс между всеми её участниками — индивидуумами

(то есть такого состояния, при котором каждый индивидум готов пожертвовать, поступиться частью своих собственных интересов для возможности удовлетворения интересов другого индивидума). Нахождение социума в таком сбалансированном состоянии противопоставляется таким образом так называемой «войне всех против всех» — то есть неконтролируемому удовлетворению исключительно своих собственных интересов участниками социальной системы, находящимися в состоянии непрерывной борьбы (то есть рассматривающими систему, окружающую их, как враждебную по отношению к ним самим).

Также обычно принято говорить, что человек, абстрактный индивидум от самого своего рождения находится во враждебном ему окружающем мире. Но это понимание не соответствует действительности и непродуктивно. И вот почему.

Если рассмотреть человеческое тело, то второй по сложности и значимости (после нервной) системой в теле человека является иммунная система. Иммунная система отвечает не только за защиту от вирусов, бактерий, но и регулирует в целом взаимоотношения человека с окружающей средой (Подробнее можно узнать, поискав информацию о клеточном и гуморальном видах иммунитета). Она также легко поддерживает температуру тела человека постоянной, вне зависимости от большинства воздействий внешних природных условий. Более того, иммунная система человека вполне способна справиться с большинством существующих на земле вирусов, да и существующая так же способность тела человека к регенера-

ции говорит о подготовленности его к существованию на Земле. Оставшиеся неизлечимые заболевания, кроме того, существуют в основном в местах, неблагоприятных для жизни человека. Кроме того, пищеварительная (включая строение органов ротовой полости) и выделительная системы прекрасно адаптированы для переработки биологического материала, который растущего в климатических поясах жизни человека. Большинство животных, которых человек может считать опасными, никогда не нападают на него первыми и без внешней агрессии с его стороны. Да и соотношение потребляемых человеком (одним индивидуумом) природных ресурсов по сравнению с тем, какое воздействие он способен произвести на природу, так же как и в отношении всей совокупности природных ресурсов на данной территории, достаточной для жизни одного отдельно взятого индивидуума позволяет сделать предположение о том, что жизнедеятельность человека не несёт по сути своей ущерба природе, но наоборот, он гармонично встраивается во всю биологическую и пищевую цепочку, занимая в ней своё особое место. А если принять во внимание всё то время, которое существует на земле человечество, можно предположить, что и сам процесс рождения прекрасно отработан и приспособлен для условий земной биосферы. Стоит только задаться вопросом о том, а как вообще люди смогли дожить, развиваясь, до настоящего момента, ведь как-то они существовали столетия назад? Это не значит, что развитие медицины или химии бессмысленно или не нужно, это значит, что наличие вирусов и болез-

ней является одним из факторов, гарантирующих нахождение земной биологической системы в диссипативном (открытом, неравновесном, устойчивом) состоянии, и в эту систему весьма гармонично встроен человек.

Иными словами, человек от самого своего рождения гармонично встроен в биосферу и тело его пригодно и адаптировано для жизни на большинстве (по крайней мере в средних широтах) территорий земного шара. Это значит, что природа уже как минимум не является враждебной по отношению к человеку, но является тесно связанной и зависящей от его деятельности. Это значит, что какие-либо конфликты или непонимание, сложности в отношениях с природой могут возникать только у человека, не отдающего себе отчёт о сути его взаимоотношений с окружающей природой, у индивидуума, не готового нести всю ответственность за свои управляющие воздействия по отношению к природе. А ещё точнее, у человека, который не хочет, не знает или не умеет использовать окружающую его экосистему, не подготовлен в силу каких-либо причин для жизни и существования в ней.

Но под окружающей средой понимается так же и окружение других людей. Одним из важнейших качеств человеческой личности является способность договариваться с другими людьми, способность к **сотрудничеству**. Сотрудничество, единение людей позволяет невероятно, многократно повысить эффективность производимых ими творческих действий. Соответственным образом изменяется и мировоззре-

ние каждого из участников сотрудничества. Стоит отметить, что сотрудничество не является основой социального взаимодействия, но является основной, постоянно используемой индивидуумом его формой. Точно так же сотрудничество и не предполагает существования какого-то компромисса, поскольку способность к нему существует **благодаря** творческому желанию человека и его стремлению к достижению целей, а не вопреки им.

Такая простая мысль позволяет кардинально пересмотреть подходы к занимаемой индивидуумом в социальных сотрудничающих отношениях позиции. Деятельность каждого из участников сотрудничества становится направленной на общий успех, на достижение всех поставленных целей всеми участниками сотрудничества, а не на компромиссы, уступки с какой-либо стороны.

Враждебной же позицией является позиция, направленная на удовлетворение только собственных интересов, без учёта интересов других сторон, а возможно и вопреки им. Такая позиция лишь кажется конструктивной, исторический опыт же, показывает, что в условиях социальной системы она приводит только к тому, что индивидуум снижает свой собственный творческий потенциал, лишает системы, в которые он включён, социальной мобильности.

Всё это обычно происходит из-за того, что действующие так индивидуумы безответственны, не готовы к последствиям своих поступков. Стоит заметить, что речь идёт именно о межличностном взаимодействии.

Таким образом, наиболее выигрышной, наиболее подходящей творческому началу и желанию человека является установка, направленная на сотрудничество, на совместное достижение поставленных целей, что легко иллюстрируется на примере развития различных общностей и государств за время существования человечества.

Но не только одно лишь сотрудничество ради выгоды, ради творчества и собственного самовыражения свойственно человеку. Ещё одним природным, естественным качеством любой личности является **альтруизм** — способность к бескорыстной помощи другому индивидууму, способность *отдавать, ничего не требуя взамен*. Наличие этой способности — одна из вещей, отличающих реального творящего человека от чистого разума. Человек способен к взаимопомощи просто так, без видимых на то перспективных выгод для него самого. Это позволяет говорить так же и о существовании у каждого индивидуума подсознательного, глубинного желания помогать другим. Само существование этого явления — альтруизма — уже позволяет говорить о несостоятельности модели «войны всех против всех», так же как и о несостоятельности «социального дарвинизма», поскольку это вместе с возможностью индивидуума выбирать собственную реакцию на внешнее воздействие означает, что и социум в лице других людей не является враждебным по отношению к личности одного индивидуума.

Однако существует ещё один важный момент, в дополнение к личной ответственности индивидуума за свои поступки. Если рассматривать социальную систему, состоящую на самом низком уровне из таких же индивидуумов, то ответственность за поступки личности является ответственностью за изменение влияния этой системы на других индивидуумов. То есть действия человека в таком случае являются управляющим воздействием не просто по отношению к окружающей среде или природе, но по отношению к социальным объектам и к людям, к которым они состоят. То есть социальная деятельность человека внутри социальных объектов приводит к воздействию его на элементы этих систем, к воздействию его на других людей.

И это очень важно — существует не просто **личная** ответственность (*за себя*), но и **социальная** (*за других*). И отвечать за других людей — вовсе не то же самое, что отвечать за самого себя. Существование и осознание такой ответственности требует особого склада ума, особой модели поведения, особого типа личности.

Рядовой средний индивидуум не очень-то склонен брать ответственность за других людей на себя. И это правильно — он погружён в задачи личностного самовыражения и в социальные отношения внутри различных систем. Такая ситуация приводит к тому, что часто человек может не осознавать влияния социума на себя, занимает пассивную социальную позицию. Всё это позволяет говорить некоторым людям о «паразитизме» социума на личности, при которой соци-

ум старается взять от человека, включённого в него, больше, чем дать ему взамен. Но социум не паразитичен по своей природе, пассивную роль в нём индивидуум занимает не обязательно в силу навязанности этой модели извне — это может происходить и в силу собственного желания индивидуума, его склада личности. Было бы странно представить себе общество, состоящее сплошь из руководителей. Поэтому в сбалансированном социуме социальную ответственность готовы взять на себя немногие (можно было бы предположить, что обычно их количество, согласно широко известному и популярному «принципу Парето», составляет около 20% от общего количества элементов данного социума, однако в данном случае точное количество не принципиально для дальнейших рассуждений). Это, в свою очередь, означает, что конечная роль, которую человек занимает в какой-либо социальной системе, при условии её открытости, определяется мерой ответственности, как за свои собственные действия, так и за других людей, которую он готов на себя взять внутри рамок этой системы. Разумеется, в различных системах эта мера может меняться, причём даже у одного и того же человека.

То есть можно говорить не об уровне развития личности, а об **уровне ответственности** (или о **качестве ответственности**, что, в общем-то, не тождественные понятия) личности, разумеется, в контексте какой-либо системы.

Община

Чем выше уровень социальной ответственности индивидуума в социальной системе, тем сильнее управляющее воздействие, которое он способен оказать на эту систему, тем «выше» его положение внутри какого-либо объединения людей.

Здесь нужно сказать несколько слов про сами эти объединения.

Как уже говорилось ранее, в силу того, что любая система взаимоотношений в социуме является частным случаем системы межличностных взаимоотношений, социальное объединение, объединение людей является социальным объектом, актором, действующим в своих собственных условиях.

Поскольку социальное объединение в своей основе имеет творческое сотрудничество людей для достижения каких-либо общих целей, можно предположить, что элементы социального объединения, обладающие более высоким уровнем социальной ответственности, будут занимать в нём особое, посредническое положение, упорядочивающее взаимодействие обычных элементов. Такие элементы-посредники логично назвать **концентраторами**.

Можно, кроме того, предположить, что существование концентратора не первично, а, наоборот, вторично — элементы сначала принимают на себя какие-либо функции в своей сфере деятельности, затем начинают сотрудничать, обмениваться чем-либо друг с другом, после чего уже возникает посреднический элемент в процессе этого сотрудничества и обмена, через который и начинает идти взаимодействие этих

объектов. И уже только затем этот посредник становится в полной мере концентратором, то есть формирующееся объединение начинает функционировать как единый объект, как целостная система во внешних отношениях с другими такими же объединениями.

В процессе существования некоторого социального объединения **возрастает уровень личностных потребностей** индивидов, вовлечённых в данное объединение. Данный рост есть движение «вверх» по широко известной «пирамиде потребностей» (хоть она и является достаточно условной концепцией) по мере удовлетворения потребностей текущего уровня. С другой стороны, в крупных, открытых и децентрализованных социальных структурах **возрастает количество их элементов** (например, растёт количество населения локального социума). В результате этих двух тенденций в данном социальном объединении (являющемся одной из подсистем локального социума) концентратор берёт на себя не только объединяющие и посреднические функции, но расширяет свою деятельность различными способами, прежде всего за счёт контроля над взаимодействием с другими объединениями, включёнными в локальную социальную систему. Также и другие элементы начинают заниматься не только непосредственно своими изначальными функциями взаимообмена и достижения каких-либо целей, но берут на себя некие дополнительные, производные функции, ранее несвойственные им. В системе из очень большого количества эле-

ментов возникает потребность в оптимизации, попутно сопровождающаяся появлением потребности в выполнении дополнительных функций.

Получается, что система перестаёт быть изначально только ориентированной на какую-либо одну плоскость взаимоотношений между объектами, но расширяет своё влияние, концентратор превращается ещё и в координатора, и в систему начинают включаться не только непосредственно элементы «первичного типа», но и специальные, **«дополнительные»** элементы, выполняющие роль производных институтов и удовлетворяющие новые потребности системы. Одновременно с этим существующие ранее элементы системы становятся более узко специализированными, поскольку удовлетворение дополнительных потребностей субсидируется созданным вновь элементом. Поэтому на следующем этапе развития эти новые институты уже становятся не дополнительными, а естественными для данной системы, оставаясь, при этом, изначально, производными. Однако структура отношений внутри системы изменяется и теперь состоит уже не только в изначальном обмене и взаимодействии между её элементами. Стоит отметить, что «внешне» система не обязательно изменяется, так же как и концентратор не утрачивает своё объединительное положение, имеет место перестройка и увеличение количества связей, существующих внутри системы, перестройка и изменение её иерархии, то есть оправдано говорить не о «трансформации» (то есть изменении формы), а о мутации (изменении содержания) или даже, с точки зрения

первоначальной системы, о трансмутации — внутреннем превращении системы в качественно иную. Можно сказать, что количество производных институтов в системе (а, следовательно, и количество участников системы, и количество связей между элементами) является показателем, определяющим уровень развития этой системы. А процент подсистем со сходным уровнем дополнительных функций — показателем общего уровня развития всей глобальной системы взаимоотношений в этой области.

Как и любая система, социальная система имеет свою цель. В человеческом социуме это означает наличие некоторой идеи, некоторой, как уже говорилось выше, общей цели, для достижения которой люди объединяют свои усилия. Это логично, учитывая особенности человеческой личности. Однако здесь мы впервые сталкиваемся с разницей между абстрактной моделью и реальным её воплощением — поводом, непосредственным усилием, фоном, для существования какого-либо человеческого объединения может быть и внешняя среда, в реакции на которую люди объединяют свои стремления. Другое важное проявление этой разницы — различия между идеей, как объединяющим концентратором и «реальным», материальным, «институционализированным» концентратором — неким объектом, непосредственно выполняющим посреднические функции среди человеческой системы. Чем большее количество индивидуумов вовлекаются в участие в ней, тем более усложняются социальные связи. Различные субъекты занимают различные роли в соответствии

с мерой социальной ответственности, которую они готовы на себя взять (разумеется, подразумевается открытость данной системы, обеспечение внутри неё социальной мобильности), появляются дополнительные институты (или же подсистемы данной системы становятся таковыми), начинающие выполнять дополнительные обеспечивающие функции. Что интересно, при росте участников социального объединения, его внутренняя структура начинает всё больше и больше походить на модель, на отражение структуры реального окружающего её социума, как бы копирует её — процентное соотношение групп людей, выполняющих внутри системы функции, сходные с функциями подобных групп в обществе приближается к таковому соотношению в социуме.

При условии открытости системы, обеспечения в ней социальной мобильности (то есть действия в ней процессов самоорганизации, из нахождения системы в устойчивом состоянии), это логично вытекает из творческого желания самовыражения и переноса внутренних качеств личности на внешнее окружение у каждого индивидуума; из общих, подобных черт у каждого социального объединения и социальной группы вместе с целым социумом.

Самым первым, наиболее древним из известных, первичным таким человеческим объединением является община. Объединительной идеей в ней служит идея сотрудничества, объединения усилий для обеспечения стабильного существования её участников, то есть обеспечения их пропитанием и жильём. Действительно, «КПД» человека достаточно высок,

и, объединив усилия, легко можно создать систему, способную обеспечить индивидууму должную защиту. В качестве предмета обмена внутри общины выступают как непосредственно труд её участников, так и различные, важные для него и для жизни материальные активы — орудия труда, ресурсы, жильё, территория. Кстати, это один из примеров, когда территория (и окружающие природные условия, в том числе) являются факторами, подталкивающими людей к созданию общины. Реальной, институционализированной формой концентратора, в таком случае, является старейшина общины — не правитель, но авторитетный, умудрённый опытом человек, занимающийся, в основном, разрешением споров, каких-либо противоречий между участниками данного объединения, а так же выступающий экспертом в случае непредвиденной ситуации. Интересно, что этот концентратор не принимает прямого участия в производительной деятельности, однако роль его для существования общины, как единого целого, очень важна.

Стоит ещё раз подчеркнуть разницу между концентратором-«модулем», то есть концентратором, как абстрактным объединительным институтом, и реальными действиями реального человека, занимающего в общине место этого концентратора, выполняющего его функции.

Также, разумеется, понятно, что уровень социальной ответственности старейшины подразумевается более высоким, чем у остальных членов общины, но, поскольку концентратор ещё не является в полной

мере координатором или контролёром, не настолько более высоким, чтобы на его фоне уровень социальной ответственности рядового члена выглядел низким. А вот по сравнению с людьми, не входящими в общину, у членов её этот уровень выше, поскольку совместный творческий труд во имя таких идей уже подразумевает коллективную ответственность за действия в случае какой-либо неучтённой, непредвиденной даже старейшиной, ситуации.

Но община не ориентирована на развитие — цель её существования это обеспечение стабильности, не более. И она хорошо справляется с этой задачей, но при росте числа её участников, так же как при росте количества общин, при изменении качественного уровня действий конкретного человека, это её свойство превращается в минус, лишаящий её устойчивости. Действительно, в случае, когда некоторый индивидуум не только обладает желанием к собственному развитию, большим, чем желанием к простому выживанию, но ещё и имеет достаточный уровень социальной ответственности, община начинает, по сути своей, по структуре организации связей внутри себя, мешать ему в достижении этой цели. Но такой индивидуум не обязательно заинтересован в выходе из общины (а община точно не заинтересована в выходе из себя продуктивных членов), что порождает внутренний конфликт между данным индивидуумом и общиной как системой. Это значит, что сотрудничество для достижения целей всех участников такого сотрудничества становится невозможным в рамках сложившейся системы. В результате, когда общий уро-

вень развития возрастает, а экзистенциальные потребности участников общины полностью удовлетворяются, происходит переход от общинного общества к обществу с преобладанием других форм кооперации. Сначала у общины появляются дополнительные функции, формируются определённые надстройки над ней, выполняющие не совсем свойственные ей функции, после этого некоторые из таких надстроек вовсе выделяются из общины, формируя отдельные, независимые от неё социальные объединения. Происходит процесс явного разделения социальных функций между такими объединениями, которые представляют собой, по крайней мере, на данном этапе, гораздо более малочисленные (по отношению к первичной, бывшей для них источником, общине), а так же имеют в основе своей элемент, не только концентрирующий, объединяющий их, но так же и являющийся координатором, позволяющий этому объединению и его членам не только стабильно существовать, но и развиваться.

В итоге, сама социальная система несколько преобразуется, община становится более абстрактным объединением, включающим в себя уже не отдельных индивидуумов, а, в основном, как раз такие небольшие локальные объединения, которые, в свою очередь, становятся основными действующими объектами социальной системы. Их количество многократно растёт, таким образом создавая дополнительные социальные институты для новых потребностей индивидуума в обществе. В конечном счёте община вообще *разделяется* — дополнительные

институты вычлняются из неё, теперь уже в качестве основных, более узко специализированных подсистем социума.

Синдикат

Рассмотрим теперь область экономических отношений в социуме, «экономический план» его существования. Такой подход означает рассмотрение социального объединения не как некоего простого объединения людей для достижения всеобщих целей, но как функциональной системы.

Будучи подсистемой социума, социальное объединение является функциональной системой — участвует в обмене некоторым ресурсом, каким-то образом преобразует его. Но и внутри этого объединения, между его элементами в процессе достижения ими общих целей, происходит постоянный обмен каким-либо ресурсом, являющимся основным для данного социального объединения.

Модели функциональных систем хорошо известны и многократно описаны ранее — любая функциональная система состоит из элементов, приносящих в неё некий ресурс (так называемой «входной подсистемы»), выпускающих из неё некий ресурс («выходной подсистемы») и хранящих данный ресурс внутри неё, обеспечивающих его передвижение. Логично предположить, что эти последние элементы и есть концентраторы социального объединения, о которых говорилось выше. В этом смысле можно абстрагироваться ещё больше, и сказать, что функциональная система, являющаяся социальным объединением, состоит из «концентратора» и «элементов», то есть из некоторого объекта, выполняющего объединительные и посреднические функции и набора объектов,

занимающихся определённой деятельностью (например, собственно преобразующих ресурс) и зависящих от концентратора.

К описанным ранее двум тенденциям социального объединения (росту количества участников и их личностных потребностей) в социальном объединении, построенном на обмене некоторым ресурсом, добавляется третья — *рост объёмов обмена ресурсом*.

Изначально в некоторой социальной системе обмен основным для неё ресурсом происходит напрямую между её участниками, без какого-либо посредника. Подразумевается, что ресурс в данной системе берётся не сам по себе, но его новые объёмы вводятся в процесс обмена такими же его участниками (которые, очевидно, могут быть названы «поставщиками» ресурса). Поскольку количество участников данной системы растёт, со временем, говоря экономическим языком, спрос на ресурс приобретает постоянный характер, то есть формируется постоянная потребность в ресурсе, которая стремится удовлетвориться вне зависимости от наличия поставщика. Иными словами создаются условия для формирования неких «банков» этого ресурса, которые уже сами по себе являются дополнительными инструментами. Одновременно с этим растут объёмы обмена ресурсом. Некоторые участники начинают оперировать объёмами более значительными, нежели другие, а некоторые — накапливать более значительные объёмы. Эти элементы превращается в некий аналог «хранилищ» данного ресурса, собирая большое его количество, упрощают своим существованием обмен другим элементам,

становясь, таким образом как бы «источником» обмена. Остальные элементы группируются вокруг выделенных объёмами ресурса участников, которые превращаются в концентраторы, становясь, одновременно, и описанными выше «банками» данного ресурса. При этом количество ресурса, участвующего в обмене, на данном этапе уже *недостижимо для одиночных объектов, участвовавших в обмене изначально*.

Поскольку рост системы не прекращается, то позднее, уже при наличии «банков», вновь создаются условия для оптимизации внутренней структуры данной системы. Деятельность концентраторов позволяет оптимизировать непосредственно сам процесс обмена ресурсом, упростить и унифицировать его — появляется универсальный ресурс, служащий «эталонном ликвидности» — то есть обладающий (или объявленный таковым) способностью к обмену на любой другой ресурс в данной системе экономических взаимоотношений. Так появляются деньги в качестве определённого универсального товара. Затем они сами уже приобретают ряд дополнительных функций, так же точно изменяется и роль концентрирующего института.

На высоких уровнях развития концентратор приобретает важную способность — он становится не только объединяющим, посредническим инструментом, но сам начинает быть *производителем* ликвидного ресурса — формируется кредитная система. Существование кредитной системы является исключительно характеристикой высокого уровня развития

экономической системы, поскольку кредитная система является дополнительной, производной, по отношению к ней.

Сгруппировавшись вокруг концентраторов, элементы, в итоге, образуют объединения, являющиеся (на данном историческом этапе) основными субъектами системы экономических взаимоотношений. Процесс формирования этих субъектов начинается достаточно поздно по отношению к существованию социума, поэтому они представляют собой объединения, в которых концентратор выполняет не только объединяющую, но уже и координирующую, контролирующую функции.

Ещё одной важной тенденцией является упомянутая ранее тенденция к росту личностных потребностей участников какого-либо социального объединения. Поскольку индивидуум обладает непрерывным желанием к самовыражению и постоянно производит действия для поддержания своей жизнедеятельности и творчества, существуют условия для непрерывного обмена различными ресурсами между самыми разными объектами, как индивидуумами, так и объединениями. Но также существует и постоянная тенденция к смене структуры спроса, поскольку в самых разных социальных системах и объектах непрерывно идёт процесс формирования новых дополнительных функций и институтов, новых потребностей, идёт постоянная перестройка их структуры. Так же точно и у обычного человека его собственные потребности (если говорить не об экзистенциальных потребностях) непрерывно изменяются и являются таким

же отражением его собственной личности, его внутреннего состояния в данный момент, каковым являются его действия.

Таким образом, в условиях постоянно изменяющегося спроса, система находится в наиболее устойчивом и равновесном состоянии, в котором главными акторами экономической системы являются по большей части не только индивидуумы, но различные их объединения. Преобладающий род занятий, разумеется, зависит от многих факторов, в том числе, факторов среды. Однако с течением времени существует устойчивая тенденция к увеличению количества спроса на удовлетворение «дополнительных» потребностей, которые считались новыми, искусственными в предыдущее время и напрямую могут не являться производящими, но, например, обеспечивающими возможность производства или влияющими на его характер.

Особенностью таких объединений является также необязательность их постоянства. Они могут формироваться временно, для достижения каких-то определённых целей в определённый период времени и распадаться после этого. Наиболее мощные, устойчивые объединения имеют в основе своей крупный финансовый институт (банк или группу банков), являющийся концентратором, и большое количество производственных (поставщиков) и дополнительных (например, реструктуризирующих) элементов.

Эти крупные объединения называются **синдикатами**. Подразумевается, что особенностью синдиката по сравнению с обычным социальным актором систе-

мы экономических отношений является его *разнонаправленность*, ориентированность его производящих элементов *не только на один тип производства или добычу одного типа ресурса*.

Процесс формирования таких объединений достаточно длителен. После укрупнения основных объектов социальной системы экономических взаимоотношений, все три главных тенденции, описанные ранее, не прекращаются. Поскольку рост системы продолжается, то через некоторое время происходит ещё один переход, при котором уже существующие экономические объединения группируются в структуры ещё более высокого уровня, состоящие уже сами по себе из экономических объединений. Но даже после этого должно пройти ещё некоторое время, чтобы данные структуры превратились в синдикаты — то есть стали многопрофильными объединениями. Данный процесс в истории человечества происходил, по сути, уже только в XX веке.

Поскольку системные свойства не могут быть сведены к простой сумме свойств элементов системы, то у каждой новой сформированной сложной экономической структуры имеются собственные новые потребности, которые могут быть субсидированы специально созданным дополнительным институтам как внутри неё, так и вовне. Но особенностью же любого экономического объединения в принципе является его взаимодействие с другими такими же объединениями (или с внешними дополнительными институтами) через объединяющий его «концентратор» — то есть концентратор сам по себе уже

изначально обладает не только концентрирующими функциями, но, наряду с контролирующими ещё один вид дополнительных, производных функций — взаимодействие с остальными участниками всей экономической системы (обычно, при помощи того самого ресурса, являющегося объединительным для этого объекта).

Можно представить всю систему экономических взаимоотношений в обществе как *набор взаимоотношений различных объединений* (как и любую систему) и, на высоких уровнях, синдикатов. Сторонники идеи о первичности экономики для человеческого общества именно так и делают. И так появляется особая модель устройства общества — **синдикализм**. В ней постулируется, что «идеальное», «наиболее справедливое» общество состоит из различных экономических объединений, являющихся объединениями людей в основном для производства некоторой продукции, взаимодействующих друг с другом, то есть *любая социальная система рассматривается исключительно как функциональная система*.

Но особенностью этой модели является рассмотрение всех остальных, не экономических аспектов существования социума как дополнительных по своей сути, производных, что, как было описано выше, не соответствует действительности. Тем не менее, в идеальном абстрактном синдикализме люди, при возникновении новой потребности (не имеет значения, какой, временной или нет), формируют специальное временное объединение специально для её удовлетворения (то есть объединяющей идеей слу-

жит конкретно удовлетворение этой потребности, а концентратором — специально создаваемый для этого временный общественный институт). Суды, наука, социальные вопросы — всё это входит в компетенцию таких объединений. Государство и государственный аппарат в этой модели признаются паразитическими, эксплуататорскими и просто по природе своей не нужными обществу и индивидууму, ориентированному на сотрудничество с себе подобными, в частности, а возможность существования государства допускается только на ранних уровнях развития общества.

Эта модель кажется очень перспективной и прогрессивной, тем более, в условиях общества с высоким уровнем социальной ответственности (и вообще сознательного) индивидуума, даже несмотря на уозость лежащего в её основе тезиса. И даже более того — различные проявления, указывающие на некоторую жизнеспособность этой модели, видны и заметны постоянно — высокоразвитое, постиндустриальное общество, включая значительные людские ресурсы, превращается в конфедеративное или федеративное — то есть состоящее из большого количества различным образом взаимодействующих между собой местных, локальных субъектов, в которых наиболее значимую роль играют экономические объединения, а государственный и прочий аппараты существуют уже фактически на их основе. Хотя это, вообще говоря, не является аналогом синдикализма, в процессе формирования таких обществ можно найти сходные с ним черты.

Однако сам синдикализм попадает в интересную идеологическую ловушку — по сути своей временные, созданные для удовлетворения какой-то конкретной цели объединения и общественные институты в итоге берут на себя дополнительные для них функции и превращаются в подобие государства, тут же стремящееся стать производным общественным институтом уже по отношению к самому себе. То есть постулирование первичности экономических отношений во всей социальной модели в любом случае приводит к формированию государственного аппарата. Тезис о ненужности и безусловной паразитичности его природы начинает противоречить сам себе.

Дело здесь в том, что такое общество попадает в ту же ловушку, в которую попадает община — равные меры социальной ответственности участников системы не предполагают возможности для них к повышению их личного уровня социальной ответственности. То есть формируется определённый конфликт. В обществе уже существует спрос на аналог государственного аппарата и государства вообще, который сформированные вновь органы тут же стремятся удовлетворить, а после этого ещё и получить определённый набор функций, являющихся дополнительными уже на этом уровне. С другой стороны, постулируя отказ от государственного аппарата, синдикализм волей-неволей подразумевает равное распределение социальной ответственности между элементами общества. Как и в случае с общиной, это входит в противоречие с интересами социального объекта, наиболее ориентированного на собственное развитие: готового

брать на себя как личную ответственность за свои действия, так и социальную ответственность за взаимодействие с другими такими же объектами. В итоге этот конфликт, так же, как и в случае с общиной, приводит к увеличению энтропии в синдикалистском обществе и потребности к его внутренней перестройке.

Всё это происходит из-за лежащего в основе синдикализма тезиса о первичности, о ведущей роли экономических взаимоотношений в любой системе человеческих социальных взаимоотношений. Этот тезис сам по себе слишком узок, но в итоге приводит и к не соответствующему реальности взгляду на роль государство в обществе.

При этом сама по себе синдикалистская модель прекрасно описывает внутреннее устройство экономических взаимоотношений и понимает роль и место объекта в экономической системе, а значит, её наработки могут быть использованы при формировании социальных и государственных институтов.

Государство

Как социальный институт государство вычленяется из общины и возникает в тот момент, когда одна из социальных групп, существующих внутри общины, берёт на себя помимо основных своих социальных функций, ещё и функции контролёра за деятельностью этой общности. Контролирующие действия — действия, направленные на изменение состояния общественного объединения, то есть в том числе, изменяющие структуру взаимоотношений внутри него.

Получается, что в условиях, когда община сама по себе уже достаточно развита, и социальные связи внутри неё достаточно многочисленны и сложны, у одной из социальных групп возникает потребность во взятии на себя большей социальной ответственности (дополнительная, по сути своей, потребность). Интересы этой социальной группы входят в противоречие с интересами общины, но в силу усложнённости существующей на этот момент системы отношений внутри общества, данная группа не может просто выйти из общины, сформировав новое компактное объединение.

Стоит отметить, что в истории человечества данной группой обычно являлось воинское сословие или же его аналог, то есть чаще всего срабатывала простая модель поведения — «что охраняю, то и имею».

Данная группа, в итоге, занимает новую для себя роль, удовлетворяя свою собственную потребность, и одновременно находя компромисс с существованием социума в виде чёткого оформления территориальных границ конкретно данной общины. И это ещё

один пример влияния окружающей среды на оформление социума — государство возникает не в качестве формализующего «общественный договор» института, но является органом, формализующим территориальные различия в локальных социумах.

Возникнув изначально как дополнительная потребность, государство на первом этапе своего существования является паразитирующим на обществе, поскольку контролирующие функции социального органа первоначально сводятся к постоянному перераспределению между другими подобными объединениями различных ресурсов, людских, территориальных, материальных. Для обеспечения возможности функционирования таких институтов одновременно с формированием государства начинает оформляться и система правоотношений — существующий уже на тот момент в обществе уклад превращается в право, роль судьи (концентратора, посредника) потихоньку переходит от выполнявших её ранее органов (старейшины) к новому.

Таким образом, *три главные функции абстрактного государства в самом начале его существования:*

1. **Контролирующая** (в том числе удовлетворение потребностей правящей группы)
2. **Объединительная** («наследуемая» государством от общины)
3. **Формализующая** (то есть переводящая систему социальных отношений в официально оформленный вид, придающая ей «институционализированный» статус)

Разумеется, со временем ситуация немного изменится. Одновременно с развитием новой государственной системы идёт процесс укрупнения государственных образований. В определённый момент времени происходит переход — потребность в государстве перестаёт быть дополнительной для социума (поскольку зависимость от него становится уже слишком сильной) и государство как социальный институт встраивается в социальную систему. И не просто встраивается, а занимает существовавшую ранее роль концентратора, но на ином уровне, объединяя людей теперь уже не для цели совместного выживания. Таким образом, формируется новая, более гибкая и устойчивая социальная система (имеется в виду глобальный социум), в которой даже территориальные различия, формализованные ранее, отходят на второй план, а вперёд выдвигаются отношения между государственными образованиями.

Всё дело в том, что социальные институты, помимо того, что являются частными случаями абстрактных систем вообще, и человеческих объединений в частности, занимаются ещё и тем, что удовлетворяют существующие в обществе потребности самого социума, то есть потребности различных социальных объектов. А на уровне развития, делающем возможным существование государства — уже не просто объектов, а социальных групп. Поскольку потребности таких объектов постоянно изменяются, двигаясь в сторону дополнительных, аналогичная ситуация существует и с потребностями социума, а значит и социальных институтов. То есть абстрактное

государство, являясь одним из социальных институтов, занимается также удовлетворением и таких потребностей. И, если в начале это потребность в повышении социальной ответственности только одной из групп, то позднее набор потребностей изменяется.

Сам по себе индивидуум заинтересован в обеспечении условий для ведения собственной творческой деятельности и занимается этим как самолично, так и внутри различных социальных объединений (Например, вспомним, что в марксизме говорится о «свободном времени индивида» как об одной из мер уровня общественного развития). Но со временем эта функция, обеспечивающая функция, становится частью естественной деятельности этих объединений, то есть становится целью существования некоторых социальных групп, а сами такие группы, изначально являясь дополнительными, становятся уже естественными для этого социума, и индивидуум легко перекладывает часть обеспечивающих действий на их плечи, то есть живёт уже в системе новых отношений.

Точно так же происходит и с государством, оно в итоге превращается в основной обеспечивающий институт, в основное социальное учреждение, занимающиеся обеспечением возможности как творческой деятельности индивидуума, так и любой деятельности других социальных объединений. То есть в дополнение к трём изначальным функциям государства, оно приобретает ещё одну, **«обеспечивающую»**, а те три, в свою очередь, переходят в разряд

естественных, удовлетворяющих потребности социума в них. Именно это позволяет многим говорить о существовании государства, как «института для решения общих проблем», как о структуре, созданной человечеством для решения таких вопросов, которые одному решить затруднительно. Но процесс появления исторического развития государства как института, позволяет говорить о частичном несоответствии этой точки зрения действительности — действительно, решение похожих проблем может являться одной из его функций, но никак не является только лишь единственной целью его существования.

С течением времени происходит разделение уже существующего государственного института на внутренние «отраслевые» структуры, находящиеся в сложных взаимоотношениях между собой. В этот момент окончательно завершается и процесс интеграции государства в социум. В этих условиях государство уже не совсем паразитирует на экономике — оно отнимает часть ресурсов, в основном для собственного существования, но при этом обеспечивает функционирование экономической системы, поддерживает существование человека и взаимоотношения между людьми и социальными объектами в правовом поле, выступает посредником и концентрирует вокруг себя человеческие ресурсы. Кстати, интересно, что одновременно происходит и смена экономической модели производства. Но кроме этого процесса, происходит и другой — некоторые крупные социальные и экономические объединения начинают брать на себя ряд функций государства. Обычно этот про-

цесс называется «сращиванием государства и капитала», но на самом деле это простое перераспределение функций в новой социальной системе, где государство является участником, схожим с остальными. И дело здесь не только в уменьшении функций самого государства — другие социальные объединения уже являются концентраторами сопоставимых с государственными объёмов человеческих и финансовых ресурсов, а значит, волей-неволей оттягивают на себя часть государственных обеспечивающих и координирующих функций.

Поэтому синдикализм, появившийся по ходу этого процесса перераспределения функций в индустриальную эпоху, постулировал скорое отмирание государства, замещение его иными объединениями, считающимися более гибкими, в частности, из-за меньшей привязанности к территории. В реальности процесс развития общества пошёл, имея как определённые сходства, так и различия с описанной синдикалистами моделью. Сначала, с оформлением в крупных государствах федерализма, конкретные государственные институты вновь разделились на более компактные, обладающие различной степенью автономии (а значит, в принципе, повысилась и гибкость структуры их систем) субъекты. После этого, в постиндустриальном обществе, часть функций государства действительно взяли на себя крупные, транснациональные корпорации (заодно уменьшив влияние территориального фактора на государство). Но только лишь часть, поскольку есть один очень важный момент — эти корпорации, несмотря на большую,

по сравнению с более старыми объединениями, гибкость, не являются в полной мере контролёрами общества, поскольку, во-первых, практическая независимость их самих от реального распределения людских ресурсов не избавляет от этой зависимости индивидуума, во-вторых, сами они испытывают точно такую же потребность в обеспечении собственной деятельности в условиях системы с большим количеством участников, в-третьих, несмотря на возможность охватить огромное количество сфер деятельности для одной такой корпорации, ни одна из них не может претендовать на абсолютную «разнонаправленную» (то есть как в отношении собственных членов, так и в условиях существования в социальной системе) универсальность (а проще говоря, так или иначе, каждая корпорация или синдикат обладают долей собственной специализации). Всё это, в итоге, приводит даже корпоративный или синдикалистский мир в условия, когда существует устойчивая, перманентная потребность в наличии постоянных регулирующих, обеспечивающих и контролирующих органов. Такие органы могут, конечно, быть созданы ими самими, но это никак не повлияет на их социальную функцию, на роль, которую они занимают в обществе — роль государства.

Из сказанного выше можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, главный вывод состоит в том, что *в настоящий момент государство в социальной системе в основном выполняет **обеспечивающие функции***. Во-первых, с точки зрения индивидуума, деятельность государства — обеспечение возможно-

сти его существования и творческой деятельности. Во-вторых, с точки зрения различных социальных объединений, выполнение государством объединительной и формализующей функций государства воспринимаются ими как выполнение функции, обеспечивающей возможность существования данных объединений (грубо говоря, нахождение их в стабильной «системе координат») в локальном социуме.

Другой вывод — с точки зрения индивидуума, отличия между государством, выполняющим обеспечивающую функцию, и каким-либо негосударственным локальным социальным объединением, занимающимся тем же самым, **весьма незначительны**.

С другой стороны, негосударственные социальные объединения (включая крупные корпорации) до сих пор *не находятся в состоянии заменить собою государственный аппарат*. Для того, чтобы какая-либо социальная структура смогла заменить государство, она должна:

1. Гарантировать выполнение обеспечивающей, формализующей, объединительной и контролирующей функций по отношению к локальным социальным группам и индивидууму в данном социуме.
2. Сравняться с государственными структурами по количеству охвата социальных связей между элементами данного локального социума и по количеству человеческих ресурсов и социальных групп, заинтересованных в исполнении ею указанных в первом пункте функций.

Ещё один важный вывод — в настоящий момент социальная система такова, что всевозможные социальные структуры и индивид как таковой *заинтересованы в выполнении описанных выше функций*. Индивид и социальные структуры нуждаются в обеспечении возможности собственной деятельности. Поскольку негосударственная социальная структура не в состоянии в полной мере заменить государство в удовлетворении этой потребности, можно заключить, что современное общество **нуждается в существовании государства**.

Но, в силу многих причин, изложенных выше (прежде всего, для возможности действия в локальной социальной системе механизмов самоорганизации), не менее сильно оно нуждается и в существовании большого количества автономных социальных объектов, различных человеческих объединений, экономических синдикатов и так далее.

Существует ещё один важный момент. Особенностью европейского позднего представления о государстве, как о машине, существующей для «решения общих вопросов», является появление такой общественной модели, как социализм. Социалистическая идея, являющаяся, кстати, одной из постулирующих главенство экономики, основана на тезисе о качественном изменении модели производства в социуме. То есть социальное государство, по задумке, берёт на себя столько возможностей по обеспечению и упрощению жизни и деятельности индивидуума,

сколько сможет, в силу того, что обеспечение индивидуума материальным благами становится очень дешёвым.

Заманчивость данной задумки весьма иллюзорна. Прежде всего, модель социального государства при её практической реализации приводит к тому, что уже негосударственные социальные институты признаются паразитирующими (но не на экономике, а на личности), то есть существование социального государства сопряжено с тенденцией к взятию на себя государственным аппаратом функций, выполняемых негосударственными социальными структурами. Проще говоря, государство в социалистической модели существует в ущерб негосударственным объединениям, что автоматически усложняет в данном социуме социальную мобильность, мешает действию в нём механизмов самоорганизации.

Таким образом, общество, построенное на модели социального государства вновь приходит к «ловушке общины», когда обеспечение стабильности ставится выше обеспечения способности к развитию. Кроме того, роль государства в данном случае видится весьма пассивной, поскольку его существование, по задумке, не выходит за рамки пассивного удовлетворения потребностей в стабильности.

Но не только это является указывает на нежизнеспособность социализма — социализм создаёт модель поведения индивидуума, направленную на стремление избавиться себя от хоть какой-то социальной ответственности (хотя на практике может заявлять совершенно иное, не изменяя от этого своей сути), по-

сколько государственный институт, являющийся здесь определённым образом «оторванной» от индивидуума абстракцией, не ориентирован на возможность вообще какого-либо развития общественной единицы, поощряя своими действиями наиболее безответственных в социальном плане индивидуумов (вся система социальных выплат и налогов Евросоюза и Скандинавии является этому подтверждением).

Но и это ещё не всё — говоря о роли социальных и корпоративных объединений в жизни общества, практически целиком перекладывая их функции на государство, монополизируя государством обеспечивающие функции (то есть превращая его из основного в единственный, по сути, обеспечивающий институт), социализм превращает государство в этатский «супер-синдикат», в высшую форму синдиката, «сверхкорпорацию», находящуюся на особом общественном положении. И это положение приводит к тому, что внутри такого образования происходит подмена объединения людей ради достижения всех целей каждого достижением компромисса, то есть только частичного удовлетворения интересов члена, а общественное, таким образом, ставится выше личностного.

А раз так, значит «социальное государство» (как система) по сути своей уже не может быть направлено на личностный рост отдельного его гражданина (или удовлетворять потребности гражданина в личностном росте), не может являться объединением сотрудничающих ради какой-то цели людей. А значит, такое

общество не обеспечивает в полной мере социальную мобильность, то есть неустойчиво, в нём существует устойчивая тенденция к росту энтропии.

Пытаться поддерживать существование социально-ориентированного общества (в современном понимании) глупо, кризисы будут только усугубляться, и, рано или поздно, эта модель сменится на другую, более обеспечивающую способность постоянного изменения социальных связей внутри социальной системы с тенденцией к росту социальной ответственности индивидуума.

Здесь мы вновь сталкиваемся с ещё одним очень важным тезисом, с которым сталкивались ранее — о существовании фундаментального различия между абстрактным общественным институтом (в данном случае — государством, как идеей) и конкретным исполнителем этой роли (то есть в данном случае, политическим режимом). Проще говоря, социальная функция существует вне зависимости от того, кто её выполняет. Непонимание данного тезиса приводит к тому, что обычно «государством» называют то, что, вообще говоря, является *режимом*.

Режим

Режимом называется *модель существования конкретной социальной системы, в которой для некоторой конкретной социальной группы обеспечивается её нахождение в этой социальной системе в качестве выполняющего государственные функции института.*

Эта социальная группа является довольно широким понятием, включающим в себя целую прослойку общества. Это происходит в силу того, что для занятия положения государства и удовлетворения потребностей социума в нём при достаточно больших людских ресурсах какого-то совсем компактного формирования просто недостаточно. Обычно эта группа называется **олигархией**. Устранить или ликвидировать её *невозможно*, поскольку потребность социума в государственных институтах на этих уровнях развития постоянна, а значит такая социальная группа будет формироваться непрерывно. Но смена этой социальной группы возможна при некоторых условиях.

Смена олигархии и называется **сменой режима**. Эта смена может так же произойти и под влиянием внешних обстоятельств, поэтому для олигархии как таковой важно непрерывно изменять свою собственную структуру для того, чтобы непрерывно подстраиваться под изменяющуюся структуру социума, с целью постоянного сохранения роли концентратора для других мощных общественных формирований и групп (то есть для продолжения собственного существования в роли контролёра).

Проще говоря, для длительного нахождения у власти конкретная олигархическая группировка сама должна быть достаточно диссипативной, находясь при этом в диссипативной же общественной системе.

Стоит отметить одну важную вещь — конкретная правящая группа всегда является продуктом социума, продуктом его культуры, поскольку удовлетворяет интересы существующих в нём объединений и потребности его членов. Не будем забывать и про то, что, несмотря на особое положение правящей группы, она остаётся такой же интегрированной в социум группой, как и любая другая, а значит сосуществует в достаточно сбалансированной системе. И разумеется, сама такая группа тоже состоит из социальных объектов или индивидов, отношения между которыми, так же как и их собственное состояние, являются некоторым «срезом» социума в миниатюре.

Изначально определяющим фактором для занятия какой-либо конкретной группой статуса государственного института является, как и в случае с общиной, территория. Со временем ситуация изменяется. Большую значимость приобретают экономические взаимоотношения между участниками социума, а значит государство, рассмотренное под таким углом, можно представить в виде одной из форм синдиката, в которой государственный аппарат является концентратором некоего ресурса, необходимого для обеспечения существования всех участников этой системы. Таким образом, и олигархия становится социальным институтом, который находится в роли контролирующего этот ресурс, или процесс обмена

им. Этот процесс тесно сопряжён с процессом изменения преобладающей в мире (среди передовых участников, разумеется) модели устройства государственного аппарата.

С течением времени его внутреннее устройство усложняется. Изначально существующая «простая» модель унитарного государства способна существовать только при очень ограниченных территориальных и людских ресурсах. Хотя сколь-нибудь масштабное государственное объединение, включающее в себя значительное количество людей *стремится превратиться в структуру со сложной иерархией*. В результате этого процесса возникает федерализм. **Федерализм** — *модель государственного устройства, в которой основными акторами государственной системы являются субъекты федерации* — подсистемы общего аппарата, обладающие определённой автономией, то есть свободой собственной деятельности в рамках выполнения общих функций. Кстати, функции в таких условиях тоже разграничиваются, при чём на плечи этих федеральных субъектов ложится как раз удовлетворение потребности социума в обеспечивающих деятельность функциях. То есть такие субъекты являются дополнительными для изначальной государственной модели.

Таким образом, формируется достаточно гибкая система из большого количества взаимодействующих между собой объединений, выполняющих часть государственных функций. Эта система достаточно сложна и диссипативна, чтобы иметь возможность

перестраиваться в соответствии с изменением потребностей социума, сводя собственный паразитизм на нём (включая и экономику тоже) к минимуму. Более того, такое устройство государства позволяет включать в него и некоторые негосударственные структуры, которые вместе с субъектами федерации проявляют себя наиболее легко, поскольку не берут на себя контролирующие или объединительные функции.

Вообще, обычно первые три функции государства остаются в ведении федерального центра, то есть само появление субъектов федерации является как раз переходом четвёртой функции из дополнительной в основную, но вместе с этим переходом изменяется и способ функционирования федерального центра, поскольку он теперь взаимодействует в основном с субъектами, то есть с крупными объединениями, а значит и в задачу его входит прежде всего удовлетворение их потребностей. Таким образом, деятельность федерального центра становится более концептуальной и методологической, тогда как некие конкретные шаги ложатся на субъекты федерации.

Более того, обеспечивающая деятельность вообще по природе своей не может быть сильно оторванной от потребителя, поскольку временной диапазон для оценки её результатов наиболее низок. А значит, существование больших государств в виде федеративных, с чётким разделением полномочий или даже с включением в государственную машину негосударственных образований как раз является *наиболее*

устойчивым вариантом их устройства, при условии, конечно, реальной автономности субъектов друг от друга.

Переход к федеративному устройству из унитарного, предполагает, что центральная власть изначально передаёт удовлетворение потребности социума в обеспечивающих функциях каким-то иным субъектам, поэтому в этом случае федерализм основан на принципе «субсидиарности». В ином случае, когда новое государство возникает из многих существующих ранее субъектов, такой подход не совсем корректен. Процент функций, находящийся в ведении центральной власти определяет тип государства — федерацию или конфедерацию (являющуюся частным случаем первой). То есть можно сказать, что федерализм превращает государство в набор из «подгосударств» с чётко определённым набором собственных функций, для которых федеральный центр является неким объединительным концентратом, в такую же форму социального объединения.

В итоге можно заключить, что федерализм интегрирует в большое государство «лучшие» черты синдикализма — получается, что государство в нём состоит из набора взаимодействующих между собой формализованных социальных объединений при минимальном вмешательстве извне (предполагается, что центральные органы в таком случае являются «внешними» для субъектов). То есть социальная система достаточно гибка, количество социальных институтов (и связей между ними) в ней велико, среди их функций преобладают дополнительные, обес-

печивающие, лежащие на плечи «низкоуровневых» (включающих в себя конкретных личностей) объектов, но при этом существуют и постоянные органы с контролирующей и объединительной функцией. Очень важно, что все эти мысли актуальны исключительно для больших государственных объединений, с большим количеством людских и территориальных ресурсов, при условии, конечно, настроенности рядового индивидуума на сотрудничество. Кроме того, важно подчеркнуть, что обязанностью центра в таком случае является объединительная функция. В условиях его взаимодействия с субъектами федерации это привносит в его модель поведения очень сильные изменения, по сравнению с унитарной моделью.

Тут следует упомянуть про республику. Изначально существующая «простая» монархия видоизменяется, как только она делегирует кому-либо ответственность за выполнение своего приказа, таким образом уже субсидируя часть полномочий. Но о какой-то близости к потребителю здесь можно говорить с натягом, то есть, опять же, в условиях компактного государственного объединения, при котором монарх находится в «прямой близости» от индивидуума.

Демократия — изначально форма государственного устройства, в которой решения, влияющие на жизнедеятельность государства, принимаются на коллективном собрании всех граждан государства (изначально — имеющих собственность в государстве). Республика — изначально форма государственного устройства (аристократия), в которой такие же решения принимаются на коллективном собрании некоей

особой группы граждан, позднее, так же выбираемых (хотя изначально существовали и другие варианты, например, жребий).

На первый взгляд кажется, что демократия является наиболее гибким видом государственного устройства. Однако на практике же получается, что в условиях сложной государственной структуры, в условиях больших людских и территориальных ресурсов, в условиях огромного количества дополнительных социальных объектов, возникает разграничение «уровней» принятия таких важных решений, которое, в том числе, выражается и в появлении федерализма. То есть в итоге республиканская форма правления, с существующими выборными органами, является логичным упрощением государственного механизма, формализованными дополнительными изначально структурами. Индивидуум, как известно, вообще не настроен на мышление в государственных масштабах, и только некоторые индивидуумы обладают реально социальной ответственностью для такого уровня действия. А это значит, что принятие каких-либо решений всем обществом на всенародном плебисците будет не очень-то эффективным, поскольку сам индивидуум в нём не очень заинтересован (небольшие государства, конечно, другое дело). С другой стороны, для нечастых, действительно важных, определяющих действий, референдум является достаточно эффективным корректирующим и определяющим инструментом, так же как и локальный плебисцит внутри одного субъекта федерации (но на этом уровне инди-

видуум наоборот, как раз-таки заинтересован в своём участии). Исторический опыт развития человечества показывает, что создать общественную структуру, в которой индивидуум будет реально заинтересован в собственном непосредственном управлении государством, мягко говоря, проблематично, с одной стороны, а с другой, в такой структуре неизменно возникает управляющая группа (то есть новая олигархия).

В итоге, республиканская форма правления, хотя и не предполагает федеративного устройства в государстве, но *органично с ним сочетается в условиях масштабных государственных систем*. Разумеется, в этом смысле республика предполагается более гибкой (обеспечивающей высокий уровень социальной мобильности, минимизирующей энергозатраты индивида на смену набора включающих его социальных совокупностей), нежели монархия. В условиях развитой экономики (а кое-где, и преобладания «экономически-ориентированного» мышления), реальная материальная заинтересованность индивидуума в обеспечивающей функции налицо. Дело не только в способе передачи власти в рамках монархии, дело ещё в том, что республика таким образом стимулирует рост социальной ответственности у общественной единицы. Хотя, способ передачи власти, естественно, главенствует. Монархическая передача власти (вне зависимости от стиля управления монарха и остального государственного устройства) слишком зависима от сиюминутных внешних обстоятельств, и порождает, таким образом, потенциальный источник постоян-

ных глубоких кризисов государственной системы. Точно так же, монархическая система не является обеспечивающей существование социальных лифтов для отдельных общественных объединений, а значит и не могущей гибко подстроиться под изменившееся состояние и потребности социума. Свидетельством этому является и массовый переход от монархических государств к государствам с республиканской формой правления.

С другой стороны, монархическая система является более ориентированной на удовлетворение объединительной потребности общества в государстве.

С контролирующей и формализующей функциями всё не так однозначно, в различных типах монархического государства ориентированность и эффективность её по выполнению этих функций сильно отличается. Например, при абсолютизме имеет место явный избыток контроля. А вот объединение людских и государственных ресурсов составляет значительную часть всей монархической идеи. Собственно, сама суть монархии состоит в консолидации вокруг фигуры монарха. Монархия, таким образом, предлагает уже готовую идеологию. Правда здесь проявляется ещё один минус — несмотря на близость индивидууму идеи объединения вокруг конкретной фигуры, а не какой-то абстрактной «мутной» идеи, идеология в государстве становится чрезмерно зависимой от этой самой фигуры, а значит — негибкой. Более устойчивыми идеологиями, в таком случае, обладают теократическая и клерикальная форма правления. Впрочем, не будем забывать о том, что режим яв-

ляется продуктом социума, то есть идеология как таковая является весьма щепетильным и привязанным ко времени и месту понятием.

Самый яркий пример, «рафинированная» иллюстрация таких вот возможных недостатков республиканского федерализма — Италия. Чрезмерная раздробленность государства на очень большое количество *одноуровневых* равноправных и мощных социальных структур приводит к утрате объединительных функций государства. Несмотря на это, в силу того, что ни одна из этих систем не может захватить в свои руки единоличный контроль над всем государством — им приходится постоянно договариваться друг с другом и быть близкими к своим собственным членам и индивидуумам, формируя, таким образом, достаточно ориентированное на демократические выборы, в каком-то смысле, общество. С другой стороны, опять же, такая ситуация приводит к очень слабым объединительным функциям, которые способна выполнить такая система в рамках всей страны, а значит, и возможность управляющего, контролирующего воздействия у такой группы достаточно низка.

Вообще, рассматривая контролирующую функцию подробнее, можно провести параллель между управляющей группой в государстве и любым руководителем социального объединения. Сущность эффективного (то есть с прогнозируемыми последствиями) управления заключается в умении руководства *выдерживать определённый баланс между управляющими и обеспечивающими воздействиями*. Собствен-

но, умение поддерживать систему в состоянии диссипативной структуры как раз и состоит в нахождении этого баланса.

Как известно, контролирующие функции состоят в том числе *в способности изменять структуру социальной системы*, воздействуя на неё. Создавая сложную иерархическую структуру, в которой в условиях крупного государства обеспечивающие функции в основном субсидированы локальным субъектам, имеющим автономию, или даже негосударственным, изначально, образованиям, центральный государственный аппарат создаёт себе достаточный задел для возможности осуществлять контролирующее воздействие.

Баланс между контролируемыми и обеспечивающими функциями заключается, говоря экономическим языком, в способности находить *баланс между скоростью реального производства и потенциальной способностью к производству* (то есть, например, между скоростью добычи некоторого ресурса и скоростью его воспроизводства). Важный момент состоит в том, что управляющий субъект не должен брать на себя ещё и роль одного из производящих элементов внутри системы, его деятельность заключается исключительно в обеспечении условий и способности их функционирования с одной стороны, и действий по изменению их состояния и связей *между ними* (или же, говоря о функциональной системе, действий по постановке *перед ними* конкретных задач) с другой. Если такой баланс не найден, или управляющий субъект не достаточно выполнял

эти функции, это приводит к тому, что сам он перестаёт занимать в системе роль управляющего субъекта, поскольку не удовлетворяет её потребностям. Место его, в свою очередь, занимает субъект, способный удовлетворять потребности в обеспечении деятельности и контроле. В худшем случае, система вообще распадается, поскольку из-за потери способности к производству элементы внутри неё вообще перестают быть связанными друг с другом.

То есть возможно провести параллель между действиями управляющего субъекта в социальной структуре и социальной группой, находящейся в роли правящей в государстве. Можно даже заключить, что эволюция управляющего государственного аппарата исторически в каком-то плане как раз и состоит в увеличении количества обеспечивающих функций (изначально дополнительных), при условии удовлетворения потребности в контролирующих.

Рассмотрим и государственный аппарат с экономической точки зрения, несмотря на ошибочность тезиса о главенстве системы экономических взаимоотношений в социуме. Нахождение некоторой социальной группы в роли управляющей, то есть восприятие её участниками экономических отношений в качестве авторитетной и способной выполнять государственные функции тесно связано, в таком случае, с контролем этой социальной группы за некоторым важным для ведения их деятельности, ресурсом, или даже набором ресурсов. В случаях, когда режим не удовлетворяет социальным потребностям в полной мере, в случаях, когда в системе социальная мобильность

элемента затруднена, то есть когда, с экономической точки зрения, баланс между контролирующими и обеспечивающими функциями, не найден, возникает такое явление, как **коррупция**.

Сущность понятия коррупции заключается в том, что *некоторые, изначально государственные, структуры начинают заниматься не свойственной им прежде экономической деятельностью*. Казалось бы, можно сказать про то, что они берут на себя некие «дополнительные» функции, но это не соответствует действительности. Дело в том, что, становясь участниками системы экономических взаимоотношений на правах только одного из экономических объектов, ориентированных, прежде всего, на товарно-денежные отношения, такие структуры утрачивают собственные функции государственного аппарата, то есть лишаются управляющего положения в социуме. То есть происходит процесс, частично обратный субсидированию некоторых государственных функций негосударственным структурам.

Вообще говоря, конечно, практически невозможно существовать в экономической системе, не ведя экономическую деятельность, поэтому искоренение коррупции на корню невозможно, однако в системе с действующими механизмами самоорганизации этот уровень стремится к минимальному значению, гарантирующему её устойчивость, то есть не возвращающий государственные органы к паразитизму на экономике. Коррупция приобретает массовый характер в таких случаях, когда зависимость экономических субъектов от ресурса, контролируемого

государством, чрезмерна. Обычно это бывает или в случае, когда крупных (сравнимых с государством) субъектов системы экономических взаимоотношений очень мало, или когда ресурс буквально всего один, или же, когда чрезмерен контроль за ним. Разумеется всё это уже само по себе говорит о существовании тенденции к росту энтропии внутри существующей государственной системы, а значит, о скорой смене правящей группы. То есть параллель с управляющим субъектом в социальной структуре, прежде всего экономической, налицо — субъект (правящая группа) не выполняет должным образом свои функции: не удовлетворяет потребность социума в обеспечении деятельности (экономических объектов мало, контроль за ресурсом чрезмерен), а значит и баланс между контролирующими и обеспечивающими функциями отсутствует. Субъект начинает выполнять роль одного из экономических элементов, теряя таким образом способность к изменению структуры экономических и социальных взаимоотношений, а значит, и своё место правящего субъекта.

Но не только потеря управления над государством, ведущая в итоге к смене режима, а в перспективе и могущая привести к распаду государства, является одним из «негативных» проявлений массовой коррупции. Для рядового индивидуума (как потребителя обеспечивающих его деятельность услуг) наиболее заметным проявлением роста энтропии в экономической системе служит невозможность реального выбора способа существования в ней (проще говоря, невозможность реального выбора рода собственной

деятельности), то есть количество способов взаимодействия с важным ресурсом чрезвычайно минимизировано, а значит, система лишена большей части социальных лифтов, и социальная мобильность в ней затруднена. В таких условиях неудивительно, что паразитизм в экономике чрезвычайно высок, ведь все участники экономических взаимоотношений стремятся исключительно «присосаться» всего к нескольким возможным концентраторам ресурса. Тут уже ни о каком удовлетворении потребностей в росте социальной ответственности говорить не приходится, поскольку даже потребность в стабильном существовании индивидуума не гарантирована, а для плодотворного сотрудничества и творческого самовыражения существуют серьёзные помехи.

В случае с социализмом же, как уже разбиралось выше, ситуация полностью другая — социальная мобильность индивидуума в социуме затруднена из-за ориентированности государства исключительно на удовлетворение обеспечивающей потребности, с мнимой, а не реальной, свободой и такими же мнимыми стимулами для роста социальной ответственности индивидуума.

Что самое интересное, удовлетворение обеспечивающих потребностей наиболее просто из всех, потому, как ориентированные на её удовлетворение объединения возникают в открытой и неравновесной социальной структуре постоянно и на различных уровнях. Вся суть нахождения баланса между обеспечением

и управлением в государстве заключается в *правильной интеграции существующих объектов в государственный аппарат.*

В итоге можно сказать, что в рамках существующего режима у социума существует всего одно «требование» к правящей группе — выполнять (хотя бы частично) потребности социума в государственной системе, то есть *являться объединяющей, обеспечивающей, контролирующей и формализующей структурой.*

Но для самой правящей группы одного этого недостаточно для продолжения нахождения её у власти:

1. Правящая группа должна быть достаточно гибкой, для того, чтобы, удовлетворяя потребности социума в государственной системе, самой постоянно изменяться, согласно требованиям новой социальной структуры.
2. Правящая группа должна также быть достаточно компетентной, чтобы, удовлетворяя потребности социума в государственной системе, взаимодействовать с существующими в обществе другими подгруппами в роли именно правящей группы (Проще говоря, социальные формирования и институты должны зависеть от правящей группы. В современном мире, предполагающем модель «первичности» экономики, это означает, как уже говорилось, что группа должна контролировать некий жизненно важный для экономических субъектов ресурс).

3. Правящая группа, удовлетворяя потребности социума в государственной системе, должна обеспечивать действие механизмов самоорганизации этой социальной системы, гарантировать наличие социальных лифтов и лёгкости социальной мобильности для социальных объектов (объединений и индивидуумов).

Однако всё это — только условия для нахождения социальной группы у власти. Не стоит забывать, что, помимо объединяющих функций, у государственного аппарата имеются ещё одни — контролирующие.

И вот это очень важно.

Дело в том, что реальное влияние правящей группы на социум и государство может быть достаточно значительным.

Действия, обеспечивающие социальной группе выполнение условий для нахождения её у власти, в основном проистекают от природы её организации, то есть не являются для неё, собственно, «дополнительными» или же, контролирующими и управляющими. Конкретная форма, которую принимают государственные институты, форма взаимодействия социальных объектов внутри государства — всё это правящая группа *способна контролировать*. То есть её особая роль в государстве такова, что любое воздействие, оказываемое ею, серьёзно изменяет состояние социальной системы внутри государства. Это значит, что «как можно более долгое» нахождение правящей олигархической группы у власти не может быть единственной целью её существования, поскольку в итоге приведёт к увеличению энтропии в обще-

стве (то есть группа, нацеленная исключительно на удовлетворение этих условий в итоге приходит к полному несоответствию им). Здесь мы вновь имеем дело с «ловушкой общины» — социальный объект, обладающий достаточной свободой, нацелен исключительно на обеспечение стабильности. Это значит, что социальная группа, находящаяся у власти в роли правящей, должна проявлять устойчивую тенденцию к росту собственной социальной ответственности наравне с ростом социальной ответственности у своих членов. Это логично, ведь социальная система изменяется в сторону увеличения взаимодействующих социальных объектов и появлению всё новых дополнительных потребностей, одновременно с реструктуризацией старых. Таким образом формируется парадоксальная, на первый взгляд, ситуация — основным занятием, основной функцией правящей социальной группы является контролирующая, но при этом, чтобы избежать паразитизма и роста энтропии в социуме, она должна минимизировать собственное влияние на него, при одновременном ещё и выполнении потребности социума в обеспечении деятельности. А в таком положении логично предположить и рост социальной ответственности за каждое принятое решение.

Необходимо уточнить важную вещь. Выводы о важности контролирующей функции могут подталкивать к мысли о том, что тоталитарное государственное управление является наиболее подходящим для правящей социальной группы, будь то монархия или же просто авторитарным образом узурпированная

власть. Но нужно вспомнить ещё раз о фундаментальной, чрезвычайной важности обеспечения действия механизмов самоорганизации социальной системы, существование которых исключено в тоталитарном или авторитарном обществе и затруднено в обществе с главенствующим положением государственного аппарата. Конечно, тоталитарный или же абсолютистский стили управления могут дать большие способности для правящей социальной группы, но исключительно для одной конкретной группы в один конкретный момент времени, поскольку обеспечить социальную мобильность в долгосрочном периоде они не могут в принципе, что не раз доказывалось историей.

Возвращаясь к социальной группе, занимающей правящее положение в государственной машине, можно сказать, что, «основными», функциями, выполняемыми ею, являются контролирующая и объединительная. Эти функции наиболее связаны с её социальной ответственностью, то есть с действиями этой группы, как социального объекта, а потому наименее способны субсидироваться. С другой стороны, необходимо соблюдать баланс между обеспечивающими и контролирующими функциями, а значит обеспечивающие вполне возможно субсидировать готовым к сотрудничеству социальным институтам (по крайней мере, в крупных государствах), а конкретная реализация институтов, выполняющих обеспечивающие функции, зависит от размеров государственных ресурсов и от уровня развития государственной и социальной систем. Формализующая

функция присуща любым государственным объединениям и, вообще говоря, тесно сопряжена с системой правоотношений.

Можно сделать некоторые выводы. Во-первых, устойчивая тенденция к росту социальной ответственности управляющей социальной группы, так же, как и её особое положение в системе государственного аппарата и общества, особенности функций, выполняемых ею, приводят к тому, что её возможности по управлению состоянием социума являются чрезвычайно высокими. Во-вторых, правящая социальная группа способна субсидировать свои удовлетворение обеспечивающих потребностей социума, а значит, управление является её непосредственным основным занятием. Это означает, что потенциальная свобода абстрактной управляющей социальной группы весьма высока. То есть, если не говорить о внешних обстоятельствах, сама она обладает очень большой свободой выбора своих воздействий на себя и на социум.

В этих условиях возможно проявление некоторого рода «сознательности». Дело в том, что такое положение предоставляет очень большие условия для моделирования конкретных ситуаций в процессе изменения состояния социума. Здесь мы приходим к важному тезису — сознательное воздействие управляющей группы на социум может основываться на научном подходе.

Что это значит на практике? На практике это означает совсем обратное — социальная система с действующими в ней механизмами самоорганизации

в принципе не нуждается в научном управлении ею, так же как и не заставляет управляющую группу вести себя таким образом. Она достаточно устойчива, чтобы находиться в сбалансированном состоянии и дальше. С другой стороны, эта устойчивость достигается способностью к глубокому перестроению своей собственной внутренней структуры, направленному на уменьшение энтропии. То есть устойчивость социальной системы предполагает возможность периодически происходящих событий, воспринимаемых её элементами как «кризисы». Но, поскольку можно соотнести состояние социума с состоянием как некоторых его элементов (например, крупных структур и подсистем), так и индивидуума, исторический опыт развития человечества показывает, что влияние таких кризисов, их глубину и конкретные результаты можно предсказывать и моделировать. Именно в этом и состоит суть научного метода управления государством и социумом — основываясь на историческом опыте минимизировать влияние кризисов на его структуру, заранее поддерживая его в достаточно диссипативном состоянии. «Несознательная» управляющая социальная группа может просто поддерживать социум открытым, не моделируя конкретные действия и не предсказывая его дальнейшее развитие — и это будет вполне эффективной и жизнеспособной моделью, но сама суть для неё удовлетворения желания к росту социальной ответственности как раз и состоит в «самоориентированности» её на такое моделирование.

Но научный подход и использование опыта предыдущих поколений не зря привели человечество к космической постиндустриальной эпохе. Дело в том, что помимо простой поддержки социума в диссипативном состоянии, они позволяют нечто большее — позволяют определять и вектор дальнейших действий, направление «развития».

Направление «развития» чего? Ответ достаточно прост. Ещё одна трудно субсидируемая функция управляющей структуры, как уже говорилось, объединительная. Вспомним, что социальное объединение является частными случаями человеческого объединения и объединения в принципе. Поскольку любые отношения в социуме так же являются частным случаем человеческих взаимоотношений, можно сказать, что и объединительная роль такой структуры в данном случае может принимать различные формы. Но это не является единственным выводом. Главный вывод состоит в том, что конкретный режим, конкретная государственная машина является продуктом социума, результатом его существования. А это уже означает, что объединительная функция управляющей группы напрямую связана с культурой социума. Можно даже сказать, что объединительная функция режима является частным случаем объединительной функции культуры этого социума. Вот это и есть ответ — направление развития культуры социума тоже можно регулировать при условии осознанности управляющего воздействия управляющей структуры и тенденции и желания её к росту собственной социальной ответственности.

Точно так же и действия по «оптимизации» социальной структуры, основанные на использовании исторического опыта и научного прогноза, помимо минимизации влияния кризиса на социум являются ещё и направленными на «оптимизацию», упрощение, устранение возможных деструктивных (для объединительной роли, прежде всего) последствий воздействия кризисов на культуру социума. Проще говоря, использование исторического опыта можно назвать **«охраной культуры»**.

Режим — продукт культуры. Поэтому его управляющие действия, влияющие на культуру приводят, в том числе, к изменению его собственного состояния. В условиях, когда обеспечивающие функции субсидируются, когда у руководящей группы имеется тенденция к росту собственной социальной ответственности (а это всё значит, кстати, что такая социальная группа тоже удовлетворяет потребности социума в именно таком руководящем государственном аппарате), основным видом деятельности, наиболее продуктивно удовлетворяющим потребность в собственном развитии, для правящей группы является охрана культуры. И это напрямую следует из места, занимаемого ею в социуме, из функций, выполняемых ею в социуме, из самого устройства социума и из места, занимаемого в нём государством как институтом.

Культура

Обычно, в распространённом сейчас широком понимании, под культурой понимается исключительно определённая область социума, то есть «театры, кино, галереи, выставки, музыка, картины». Такое понимание находится в родстве с моделью первичности экономических взаимоотношений в социуме, поскольку культура предполагается подчиняющейся им, возникающей, как потребность индивидуума в какой-то интеллектуальной деятельности на достаточно высоких уровнях развития социальной системы, то есть, по сути, как дополнительную потребность, которая удовлетворяется этими самыми общественными институтами. Обобщая, можно сказать, что современное понимание культуры делает упор не на непосредственно самом понятии культуры, но лишь на удовлетворении высокоуровневых потребностей индивидуума, которым и даётся название культуры.

Поэтому, вообще говоря, в современности никто не придаёт культуре (в виде определённых таким образом «культурных институтов и учреждений») высокого значения государственного уровня. А в европейской модели «социального государства» вообще всё выворачивается с ног на голову, удовлетворение обеспечивающих потребностей социума постулируется «общим делом» или «общим интересом», а культура целиком и полностью субсидируется в ведение одного лишь индивидуума.

Но если же мы посмотрим на эту проблему с точки зрения общечеловеческих отношений, лежащих в основе любой социальной системы вообще и социу-

ма в частности, всё станет совсем иным, а культура, даже в подобном определении, займёт главенствующие позиции.

Что же такое культура? Определим её наивно.

Культура — совокупность личности индивидуума и набора понятий, определяющих его взгляды на окружающую вселенную. Эти понятия называются «ценностями», в их число входят, например, модели поведения, характеристики, даваемые индивидом различным модулям объектов окружающей его действительности, и тому подобное.

Как уже говорилось, личность индивида глубоко индивидуальна, априорна и непрерывно выражается им в окружающем его мире. Культурные ценности определяют конкретный способ выражения личности, выбираемый индивидом: определяют желания индивида, цели его деятельности, прогнозы состояний объектов окружающей индивида действительности, формируемые им. То есть, в конечном счёте, поведение индивида в той или иной ситуации, конкретная модель поведения выбираемая им в данный момент, зависят от его культуры.

Культурные ценности могут быть как выработаны им самим, так и привнесены в его личность извне, при условии, если он не обладает достаточной социальной ответственностью в этот момент, не находится в социуме в соответствующем положении и вообще не очень настроен на ответственные действия, а значит и не склонен анализировать собственную программу поведения. Тогда он не акцентирует своё внимание на привнесённых ценностях, а значит про-

сто не замечает их привнесения, и они переходят, с его точки зрения, в разряд выработанных им самим в процессе своей жизни.

Следует проводить чёткую разницу между культурой и моралью — **мораль** является набором ценностей, определяющим только лишь допустимую модель поведения для индивидуума в окружающем его социуме, она ни коим образом не отражает его внутреннюю личность, и она же не вырабатывается им самим. Мораль построена исключительно на одобрении или неодобрении действий человека другими людьми, окружающими его, причём для него самого авторитетность их суждений вообще не берётся в расчёт. Поэтому мораль является понятием, сходным с объединительной идеей общины, только существующим отдельно от существования общины, и не предполагающим, вообще говоря, какого-либо сотрудничества личностей. Иными словами, мораль и моральные ценности, являются одними из форм защиты, в которых «допустимая» в глазах большинства участников некоего объединения модель поведения подсознательно пытается быть ограждена от внешнего воздействия, а личности, чьё поведение не вписывается в эту модель опознаются как враждебные по отношению к этому объединению. Мораль не существует «сама по себе», мораль всегда привязана (в глазах индивида) к какой-либо социальной группе. Всё это говорит о том, что мораль является весьма иллюзорным и догматическим понятием, не очень способствующим росту социальной ответственности слепо следующих ей личностей.

Здесь также затрагивается важный момент — взаимоотношения людей, их личностей, приводят к формированию «культурных объединений» или «социокультурных систем», то есть объединений людей, которые уже сами обладают своей собственной, объединённой культурой, при чём последняя, несмотря на то, что включает в себя совокупность культур их членов, не может быть сведена исключительно лишь к этой совокупности, обладая и собственными культурными ценностями (в силу свойства «эмерджентности»), которые иначе можно назвать концептами.

Самым первым подобным объединением, с которым взаимодействует индивидуум во время своего существования, является его семья (или выполняющий её роль для его личности институт), причём взаимодействие с ней происходит в самое важное время, в момент формирования (или привнесения) наиболее «базовых» культурных ценностей. Затем такие объединения, в свою очередь, тоже взаимодействуют друг с другом, создавая и здесь социальные структуры и системы более высокого порядка, то есть вся система взаимодействия полностью аналогична, например, экономической или государственной сфере существования общества. Наиболее крупные по количеству участников «первого уровня» объединения сравнимы по размерам и роли в жизни общества с государствами, однако культура чрезвычайно сильно привязана к территории и этническому фактору. То есть эти формирования — культуры прежде всего народов, а не государств. И уже совокупности культур

народов составляют культуру государства, или же, в случаях, когда вовлечённых объектов очень много, а культурная система очень сложна и наполнена дополнительными объединениями — цивилизацию.

Охарактеризуем цивилизацию способом, применённым ранее для рассуждений о социальных системах или экономических объединениях. Тогда **цивилизацией** можно назвать *общность социально-культурных систем, объединённую некоторой мощной стержневой культурой, занимающей в этой общности особое положение концентратора*. Мощь этой объединительной культуры — готовность её без существенных (радикальных для себя) изменений сублимировать (то есть включить в общее объединение) более мелкие культурные формирования. Можно сказать иначе — цивилизация является совокупностью культур народов с одним из них, занимающим особое положение образующего цивилизацию «титульного этноса» в силу готовности его культуры сублимировать культуры остальных входящих в неё этносов. Ценности цивилизации, или же просто ценности культуры некоего этноса, занимающего «титульное» положение в некотором государстве, формируют «Национальную идею» этой цивилизации или государства.

Возвращаясь к индивидууму, можно сказать, что культура индивида в данный момент времени зависит от:

1. Состояния личности индивида в данный момент времени

2. Конкретного набора социальных совокупностей, элементом которых он является
3. Взаимодействия с окружающей средой в процессе социализации от начала этого процесса до данного момента

При этом очевидна наибольшая важность последнего пункта — ценности, формируемые у индивида на раннем этапе социализации определяют как дальнейшее прохождение этого процесса, так и конкретные особенности личности индивида, указывающие на его действия в той или иной ситуации (например, способность к фильтрации информации, поступающей извне, способность контролировать собственную программу поведения, способность мыслить критически, стрессоустойчивость и так далее). Таким образом, можно сказать, что такие культурные ценности (осознанно или нет) переводятся индивидом из апостериорных, полученных извне, в «ранг» априорных (воспринимаются им априорными), неразрывно связанных с его собственной личностью, и непрерывно проявляют себя как в его повседневной деятельности, так и в какой-либо новой ситуации, не происходившей ранее (то есть даже в случае изменения состояния окружающей среды). Например, мораль какого-либо социального формирования (допустимые в нём модели поведения), может начать применяться индивидом вне его.

Можно наивно определить факторы, оказывающие наибольшее влияние на культуру индивида на раннем этапе процесса его социализации:

1. Язык (являвшийся основным для него на первом этапе его социализации)
2. Религия (в данном случае, некоторая идея, близкая к его образу мысли)
3. Национальность
4. Искусство
5. Традиции (имеются в виду бытовые традиции)

Рассмотрим каждый из них подробнее.

Язык

Существующая в лингвистике «теория лингвистической относительности», более известная как «гипотеза Сепира–Уорфа» говорит о том, что язык, являющийся основным для индивидуума на ранних этапах его социализации, оказывает такое существенно влияние на образ его мышления, что становится одной из вещей, определяющих склад ума индивидуума. Отношение к данной гипотезе в кругах лингвистов весьма неоднозначное. Но не только среди них, вообще в современном мире влияние языка на культурную систему выглядит недооценённым. Показателен тот факт, что языковые и лингвистические институты практически нигде не имеют полномочий для воздействия на государственную и социальную системы. Но и сами эти учреждения, так же как и составляющие их учёные-лингвисты занимают позицию самоустранения — большинство из них

не имеют никакого представления об управлении, никакого желания заниматься деятельностью по сознательному управлению культурной системой путём влияния на систему языковую, а занимаются лишь слепой покорной фиксацией произошедших в некотором языке изменений в так называемой «языковой норме».

Тем не менее, исторический опыт показывает, что связь между образом мышления носителя языка и строением самого языка, безусловно, существует, и здесь уже даже не так важно, что именно является определяющим — о принадлежности индивидуума к определённой культуре можно говорить уже исходя из его основного языка. Но и не только об этом — саму культуру этого индивидуума также можно охарактеризовать по языку. Это применимо и для любых социальных групп. Их культуры, влияние их на своих членов, можно охарактеризовать в том числе тому влиянию, которое они оказывают на язык этих членов (кстати, так обычно появляется профессиональный жаргон). И культуру цивилизации можно охарактеризовать исходя из языка титульного этноса для этой культуры. Так же и по изменению языка, его состояния, можно сделать определённые выводы относительно изменения состояния всего социума.

Всё это, в конечном счёте, делает язык одним из объединительных факторов для культуры цивилизации. Являясь средством выражения культурных ценностей индивидуума, язык, таким образом, является напрямую связанным с формированием и существованием коллективных ценностей, влияющим

и на проявления внутри этой цивилизации «коллективного бессознательного». Если в других, более мелких и гибких социальных системах его роль снижается (хотя всё равно остаётся, поскольку именно язык в данный момент является основным средством межчеловеческой коммуникации), то государство или же цивилизация, в силу своей значительной привязки к территории, волей-неволей сильно зависят от языка преобладающего в умах их элементов.

А если так, значит, влияя на язык, можно влиять и на саму культуру, на состояние социума. То есть охрана культуры должна включать в себя пристальнейшее внимание к языку, поскольку он является одним из очень важных инструментов управления социальной и государственной системами в долгосрочной перспективе.

Религия

Религией является *структурированная совокупность принципиально невалидируемых по своей сути суждений индивида*. Можно сформулировать иначе: религия — структурированная совокупность понятий (или, как сейчас модно говорить, «мемов»), суждения о которых невалидируемы (и, очевидно, нефальсифицируемы) **по своей сути**.

Сами принципиально невалидируемые суждения индивида (понятия, суждения о которых принципиально невалидируемы), в свою очередь, можно назвать **религиозными представлениями**.

Их структурированность — необходимое условие для превращения «простого» набора религиозных представлений индивида в религию.

Эта совокупность оказывает очень значимое влияние не только на образ абстрактного мышления индивидуума, но и на его конкретные способы самопозиционирования в социуме и социальное взаимодействие, на его способности к общению, на его стремления. Это значит, что религия является одним из инструментов, «поддерживающих» культурные ценности.

Проследив исторический процесс развития различных религий в рамках своей культуры, можно выделить значительные сходства, например, между процессами формирования и укрупнения первых древних государств (например, в Египте) и процессом формирования и укрупнения местных религиозных течений (например, опять же, в Египте — существовавшие по началу Птах, Амон, Ра и прочие местные «локальные божества» достаточно поздно сформировали единый меметический пласт). И сам по себе этот факт уже говорит о важности роли, играемой религией в культуре государства, социума и индивидуума.

Однако же, сейчас обычно бытует совершенно иное представление о религии. В рамках этой парадигмы религия рассматривается как массовая вера в существование чётко персонифицированного бога, поддерживаемая паразитирующей на умах индивидуумов церковью. А наука, в свою очередь, противопоставляется религии, потому что постулируется близким к человеку способом познания реального мира, а не «какой-то там придумки». И это понима-

ние, это восприятие тоже сформировано исторически развитием христианства и католической церкви, а так же её отношениями с интеллигенцией на западе и конкретно в США. Разумеется, основываясь на этом представлении, можно сделать большое количество выводов относительно состояния культуры некоторых цивилизаций, охарактеризовать их ценности, равно как и описать поведение индивидуума в условиях такой культуры — сформированное у него представление о социальном взаимодействии различных структур фанатично, а его представление о собственной роли в социуме вообще расположено на снижение собственного уровня социальной ответственности. И это в равной мере относится как к «фанатикам науки», так и к «фанатичным защитникам церкви». Стоит также отметить наличие конфликтности как составляющей части такого мировоззрения, что уже, в свою очередь, относится к восприятию окружающего мира как враждебной для личности среды. Если говорить про конкретную, «формализованную» религиозную структуру (то есть церковь), то в реальности, она выполняет ту же объединительную функцию концентратора, которую выполняют для своих областей жизни социума государство или банковские институты — регулирует обмен информационными единицами. И точно так же, удовлетворяя потребности социума и занимая в нём конкретное место, разумеется, на определённых этапах, церковь проявляет паразитические качества. В этом заключается и различие между религией и моралью — религия представляет собой совокупность суждений индивида (или «ме-

мов»), тогда как мораль связана только с реакцией конкретного социального формирования на конкретные действия индивида. Церковь, разумеется, может обладать своей моралью, диктуемой индивиду.

В основе же религии как таковой лежит существование в каждом человеке некоторой области «априорного», выражающееся, в том числе, в его деятельности по апостериорному, основанному на опыте, познанию окружающего мира. Однако важность религии для культуры состоит в исполнении ею ещё одной (помимо объединительной) функции — образовательной, поскольку, как уже было упомянуто выше, многие культурные ценности, как сформированные индивидом самостоятельно, так и привнесённые в культуру его личности извне, воспринимаются им самим как априорно существующие в ней изначально, а не являющиеся результатом апостериорного процесса познания. А это значит, что на раннем этапе социализации набор религиозных представлений (особенно структурированный) может оказывать серьёзное влияние на формирование личности индивидуума, поскольку затем он уже переходит в область «априорного». В самом деле, такие вещи как дружба, сотрудничество, взаимопомощь вполне могут входить в религию человека (причём любого человека, не только подростка).

Индивидуум сталкивается с областью неверифицируемого на всём протяжении своей деятельности, более того, даже самые простые силлогизмы носят в себе таковой элемент, поскольку основываются не только на объективных суждениях, полученных

опытным путём, но, в большей степени, являются реакцией конкретной личности на получение этих суждений, являются частью его собственного процесса самовыражения. В этом числе и мечты, которые в данном случае можно рассмотреть как форму прогнозирования. А мыслительный процесс среднего человека вообще является наполненным суждениями, основанными на абдукции. Сама суть человеческой личности состоит не в противопоставлении «априорного неverifiedируемого» «апостериорному verifiedируемому», но во взаимодействии этих областей в процессе творчества, в выражении первого во втором.

Наука, таким образом, не противопоставляется религии, но обе они являются **равноправными частями жизненного процесса** (разумеется, если помнить про бытующий в настоящее время религиозный фанатизм). Более того, по этим же причинам существование атеизма как такового **невозможно в принципе** (поскольку в идеале он представляет собой концентрат нигилизма, при котором человек отрицает даже самого себя, что несовместимо с возможностью существования разумного существа), а люди, называющие себя принадлежащими к атеизму на практике являются скептиками или агностиками — то есть просто личностями, большинство вопросов, интересов и инструментов которых лежит в области verifiedируемого, отдающими ей «предпочтение» в своей деятельности.

Таким образом, идеи, находящиеся в уме индивидуума, постоянно находят выражение в его собственных действиях и взаимодействии с социумом, в конкретном, выбираемом им способе самовыражения. Это значит, что по проявлениям этих идей, то есть по религии и религиозным представлениям индивидуума можно судить о его культуре, о направлении её развития, об условиях её формирования. И этот же принцип применим и к культуре этносов, цивилизаций, любых социальных групп. Собственно, появление показательного атеизма (в современном представлении) как такового, вместе с появлением бытующего сейчас в интеллигентской среде представления о религии, вместе с различием в культурных ценностях цивилизаций по всему миру (грубо говоря, запада и востока) являются иллюстрациями работоспособности такого принципа. А это уже, в свою очередь, означает важность контроля за религией для охраны культуры, для управления государством и нахождения у власти правящей группы, для осознанного управления целой цивилизацией.

Национальность

В настоящее время любой разговор о национальности считается некорректным, поскольку якобы превращается в расизм и национализм. Это тоже одно из пониманий, исторически навязанное исключительно желанием перестраховаться. На практике нельзя отрицать тесную связь национальности и культуры индивидуума.

Что такое национальность? **Национальность** это принадлежность к расе и этносу. Но не только это. Это ещё и условия, конкретные территориальные, этнические и социальные условия, в которых проходит процесс социализации индивидуума.

Существует научная дисциплина, называемая гаплогенетикой, изучающая и описывающая различия в строении генома представителей различных этнических групп. В геноме человека находятся особые группы генов, так называемые «гаплогруппы», являющиеся общими для представителей определённого этноса. Эти группы сформировались под воздействием, прежде всего, исторических, географических, эволюционных, а так же массы прочих факторов. Однако имеется очень важная оговорка — серьёзные гаплогенетические исследования в масштабах всего человечества (или хотя бы одной расы) не проводились, несмотря на расшифровку генома человека. Количество геномов, реально исследованных гаплогенетическими методами чрезвычайно мало (максимум несколько сотен представителей многомиллионных народов), что действительно не позволяет говорить о какой-либо статистической репрезентативности выводов этих исследований.

Кстати сказать, в этом состоит одна из причин, по которым в современной западной традиции понятие «национальность» заменяется понятием гражданства или же страной происхождения (другими причинами являются уменьшение со временем

объединительной роли территории для социальной группы и процесс исторического развития некоторых государств-гегемонов, прежде всего, США).

Более подробные, фундаментальные научные исследования этого вопроса — дело будущего времени, поскольку даже в современных условиях расшифровка человеческого генома является достаточно дорогостоящим мероприятием, а запроса в таких исследованиях у современного общества, третирующего как роль культуры, так и её составляющих (включая и национальность) в жизнедеятельности социума. До момента проведения таких исследований, любой разговор, спор или дискуссия, на тему реальных, генетически обусловленных различий в строении национальностей, так же как и законченность формулировки в определении самого понятия «национальность» представляется безосновательной и неплодотворной.

С другой же стороны, многочисленные этнографические и этнологические исследования выявили и описали особенности в облике представителей этнических групп, населяющих различные территории, описали уклад и образ их жизни. Эти эмпирические исследования подтверждают факт существования этих различий, по крайней мере, внешне видимых.

С течением глобализации, укрупнения социальных объединений, объединяющая и определяющая роль территории по отношению к ним уменьшается. В этом кроется основная проблема оперирования понятием «национальность». Из этого же проистекает важный вывод о значимости собственных представлений индивидуума о принадлежности к тому или

иному этносу, поскольку под воздействием некоторой культуры индивидуум приобретает апостериорные ценности, распространяя их подсознательно на процесс самоидентификации, то есть переводит их в категорию априорных.

Суть данных противоречий, а так же суть данного вывода находится в том, что в данный момент, оперируя понятием «национальности» в большинстве случаев субъекты как раз и имеют в виду не принадлежность к конкретному этносу по биологическим или чисто территориальным показателям, но принадлежность к некоторой культуре, к культуре определённой социальной общности. Итак, можно с уверенностью сказать, что различия (в том числе генетические) между этносами и расами существуют (хоть, конечно, и, мягко говоря, не совсем такие, о которых писал Ле Бон), это факт, несмотря на недостаточную степень развития гаплогенетики, но, в большей степени, они заключаются в конкретной приспособленности определённого этноса для жизни в определённых климатических условиях на земле. И если, как уже говорилось, вообще окружающая среда не является для индивидуума враждебной, то вот жизнь и существование в условиях, к которым тело индивидуума адаптировано не очень хорошо, вносят в этот процесс существенный, заметный дискомфорт.

То есть наиболее комфортной жизнь для индивидуума является в природных условиях, для которых адаптировано его тело в силу генетических особенностей. Всё, разумеется, несколько сложнее, поскольку здесь уже в дело вмешиваются и социальные факто-

ры, такие, как, уже упоминавшаяся религия, бытующие в обществе ценности. Роль свою играют и конкретные социальные формирования, государства например. Всё это изменяет пирамиду потребностей индивидуума и может сделать жизнь в иных условиях вполне комфортной, но не стоит забывать про то, что культура является продуктом конкретного этноса на конкретной территории в конкретное время, а значит, как минимум на предыдущее, историческое, формирование конкретной культуры национальность её этноса оказала такое же влияние, как и другие природные факторы.

Дело не ограничивается только лишь этим. Генетические особенности конкретной личности тоже являются формирующими её взгляд на окружающих и на себя, на принимаемые ей идеи и ценности. И разница между культурой представителя Азии и представителя Европы, которая, вообще говоря, налицо, исторически обусловлена и генетическими факторами в том числе.

Но это только то, что касается априорных (или приравненных к таким), опять же, особенностей конкретного индивидуума. Если посмотреть на социальное взаимодействие, то здесь особенно национальные различия проявляются в общении с другими, поскольку принадлежность к различным этносам часто накладывает отпечаток на конкретные формы этого общения.

Всё это заставляет считать национальность одним из факторов, определяющим культуру индивида. А национальность титульного этноса — культуру цивилизации.

Искусство

Вот искусство как раз и является тем, что обычно принято понимать под культурой в настоящее время. Это музыка, живопись, скульптура, театр, архитектура. Это совокупность учреждений в каждой из этой сфер жизни социума.

Почему оно важно? Искусство является собранием способов наиболее яркого, наиболее заметного самовыражения личности. А значит и способов наиболее мощного выражения, помимо всего прочего, и культурных ценностей этой личности. Вот поэтому целую культуру часто подменяют понятием одного лишь искусства, ведь очень часто достаточно одного лишь взгляда на такие учреждения и институты, чтобы можно было делать конкретные выводы обо всём социуме.

Но это, разумеется, не всё. Формирующая и объединительная роль искусства состоит в том, что на практике все его объекты являются уже созданиями определённой культуры, её представителей. То есть само по себе искусство это в том числе и совокупность наработок предыдущих поколений представителей данной культуры, причём как материальных, так и нематериальных. А это, в свою очередь, говорит о наиважнейшей роли искусства для формирования

личности индивидуума в процессе его социализации. Огромная часть его религиозных, в том числе, представлений, его понятий о самых базовых ценностях, его понятий о красоте, формируется под воздействием искусства. Именно при его помощи индивидуум самообразовывается и сублимирует предшествующий опыт. Поэтому не только по самому искусству можно делать выводы о состоянии культуры социума, но и по тому, какое отношение существует в социуме к искусству. И по тому, как оно изменяется.

Здесь у искусства проявляется ещё одна его функция — объединительная, поскольку для индивидуума очень часто искусство становится элементом его национальной, этнической или культурной самоидентификации, вместе с использованием перенятых из искусства моделей поведения.

Всё это говорит об очевидной чрезвычайно высокой роли искусства для всех областей жизни социума и культуры, для формирования мемов, входящих в религиозные концепции и для изменения языка конкретного индивидуума. То есть искусство является очень важной сферой деятельности структуры, осуществляющей охрану культуры.

Традиция

Под традицией конкретно здесь понимается быт, конкретный уклад жизни индивидуума.

Его следует рассматривать целостно, несмотря на то, что можно выделить какие-то конкретные его заметные проявления (например, одежду, моду). Осо-

бенностью понятия традиции является то, что она представляет собою совокупность конкретных прикладных моделей поведения как в повседневной деятельности индивидуума, так и вообще в его жизни.

В отличие от искусства, ориентированного, всё-таки, в большей степени на формирование определённого набора концептуальных единиц, определяющих способ мышления человека, традиция всегда прикладна, всегда конкретна и материальна. Иными словами, важность бытовых традиций в культуре состоит в том, что они являются конкретным материальным выражением всех культурных ценностей, с которым человек сталкивается каждый день.

И именно в этом состоит отличие от всех остальных элементов культуры, образ жизни конкретен, материален и повседневен.

Понятно, что человек выполняет действия, удовлетворяющие его потребности и соответствующие его желанию, а в социуме — его социальной роли. Из этого легко сделать вывод об уровне развития культуры этого индивидуума и социума, в который он интегрирован, об их текущем состоянии.

Формирующая роль этого элемента состоит в том, что большая часть моделей поведения, так же как и большая часть культурных ценностей, привносится в личности из семьи, то есть является использованием наработок предыдущих поколений в части «modus operandi». Так, например, любой культуролог может рассказать о том, в чём состоит разница между народным промыслом и народным творчеством, и что последнее подразумевает массовое занятие этим видом

деятельности в определённом социуме. То есть здесь, опять же, имеется тесное соседство с религией и моралью, поскольку народное творчество является материальным традиционным проявлением искусства («искусство в массы», грубо говоря).

Таким образом, набор действий человека в каждый конкретный момент времени является чётким срезом его уклада жизни, его бытовых традиций вкупе с его идеями, а значит, выражает его культуру.

Выводы

Характеризуя каждую из частей культуры, волей-неволей приходится приходить к мысли о их теснейшей взаимосвязанности. Например, религия постоянно пересекается с искусством, так же как искусство переплетается с традицией, а образовательные роли каждого из составляющих элементов вообще выражаются в языке.

Всё это происходит в силу искусственности самого понятия культуры — несмотря на лежащие в её основе априорные и естественные для каждого индивидуума желания, определяющие факторы среды, сама по себе *культура является синтетическим продуктом*, влияющим как на самих его производителей (то есть людей и социальные формирования), так и на производимый ими новый продукт (поскольку использование опыта предыдущих поколений никто не отменял). Также в число составляющих культуру элементов входят как априорные, так и апостериор-

ные, взаимодополняющие элементы, что, в общем-то, подчёркивает целостность культуры социальной системы.

Интересно, что описанные факторы, являясь определяющими культуру индивида на раннем этапе его социализации, одновременно являются и **показателями текущего состояния культуры индивида**. Можно предположить, что это справедливо не только в отношении индивида, но и в отношении социальных формирований, то есть что описанные пять факторов одновременно и влияют на формирование культуры данного социума и являются её характеристиками, характеризуют её состояние. То есть имеет место «воспроизводство» культурных ценностей, а культура данного локального социума находится в процессе непрерывного изменения собственного состояния, согласованном с непрерывным процессом перестройки собственной структуры, существующим в социуме с функционирующими механизмами самоорганизации. Понятно, что в силу масштаба социальной системы как таковой, государственная система в локальном социуме является, в значительной степени, его культурным продуктом (а также культурным продуктом цивилизации, включающей в себя данный локальный социум), поскольку таковым же является система правоотношений в нём. Иными словами, в локальном социуме форма государственного устройства (режим), находящаяся у власти группа, границы (включая территориальные) её влияния, всё это, так или иначе, **является продуктами культу-**

ры и порождениями самого же социума, и об этом уже было сказано ранее, в частности, в предыдущей главе.

Итак, напрашивается вывод о том, что наиболее продуктивным способом управления социальным формированием (а, следовательно, и государством в локальном социуме, и цивилизацией) в долгосрочной перспективе является **воздействие на культуру данного социального формирования**. В свою очередь, логично предположить наибольшую продуктивность управления культурой *при помощи воздействия на пять факторов, определённых выше*, а кроме того, возможность определения текущего состояния культуры при их помощи. Культурные ценности выступают **самыми** эффективными ограничителями и определителями действий конкретного индивидуума, которые работают более успешно выстроенных систем «сдержек и противовесов» или же сознательных законодательных ограничений деятельности правящей государственной аппаратной структуры. С другой стороны, поскольку положительная обратная связь является одной из составляющих механизма самоорганизации, существование в обществе этих систем и подобных институтов уже характеризует его как достаточно устойчивое и открытое, а социальную систему — как достаточно сбалансированную, развитую, имеющую большое количество дополнительных, производных элементов.

Если же рассмотреть весь социум в качестве системы, то, (в силу, во-первых, иерархичности внутреннего устройства, «по определению» присущей любому

государственному аппарату, а, во-вторых, заведомо меньшего по сравнению с локальным социумом количества элементов у государственной системы в нём) данный вывод позволяет сформулировать следующие предположения:

1. Количество уровней иерархии во взаимодействии правящей группы данного социума с индивидом через воздействие на его культуру **заведомо меньше** количества уровней иерархии государственного аппарата.
2. Воздействие на культуру индивида и социума правящей группой означает воздействие **на большее количество подсистем социума** одновременно, по сравнению с управлением, осуществляемым исключительно при помощи государственного аппарата.
3. Воздействие на культуру индивида и социума означает воздействие на социум **при помощи большего количества способов** одновременно, по сравнению с управлением, осуществляемым исключительно при помощи государственного аппарата.

Другим важным выводом является то, что, в силу искусственности культуры, одной из главных функций как её элементов, так и факторов, определяющих её применительно к индивидууму является **образовательная**. Кстати, здесь тоже можно провести параллель с балансом между управляющей и обеспечивающей функциями, при чём образовательная как раз является обеспечивающей, а вернее — самообеспечивающей. Наибольшее количество моделей пове-

дения и наибольшее воздействие на своё собственное сознание индивидуум получает на ранних этапах социализации, на которых он наиболее активно следует предыдущему опыту. Таким образом, наиболее плодотворное и эффективное воздействие на пять факторов, определяющих культуру индивида, а значит, влияние и на его культуру, и на культуру социального формирования, элементом которого он является, возможно именно на этом этапе. Это, в свою очередь, означает, что образование (а вернее, **воспитание**) вообще, контроль за системой образования, является **наиболее приоритетной задачей** для структуры, осуществляющей управляющие функции в социуме (правлящей группы) путём воздействия на его культуру и действий по её охране.

Империя

Наиболее распространённые в современном мире определения понятия «империя» основаны исключительно на способности некоего субъекта социальной системы, называемого «метрополией», к экспансии.

Говоря математическим языком, в случае если между некоторыми объектами А и Б существуют отношения экспансии (от А к Б), то:

1. Объект А является метрополией по отношению к объекту Б.
2. Объект Б является колонией по отношению к объекту А.
3. Сам по себе объект А является империей.

В результате данного подхода империя определяется как некое государственное образование, явно или неявно имеющее определённую «зону влияния» на некие субъекты за её пределами, и всячески ориентированное на расширение данной зоны влияния. Такое понимание обусловлено устоявшимся марксистским взглядом на исторический процесс формирования государств в эпоху индустриализации.

Рассмотрим этот процесс подробнее. Описанный подход предполагает, что в империю превращается культурная общность (формализованная государством), которая обладает способностью к сублимированию других, при условии достижения ею определённого уровня собственного развития. Под воздействием высокоразвитых социальной, государственной и экономической систем в данной общности формируется мощная центростремительная тенденция, находящая своё выражение в установлении

жёсткой центральной власти. Иными словами, обычно условиями для формирования империи являются, во-первых, способность культуры метрополии к сублимированию других, во-вторых, концентрация в данном социально-этническом образовании значительных человеческих и экономических ресурсов (то есть качественный и количественный признаки).

Можно отметить явное сходство с процессом формирования цивилизации, аналогом понятия «титульного этноса» в котором является понятие метрополии.

Стоит подчеркнуть, что во время процесса индустриализации в передовых по уровню развития государствах, процесс формирования империй сопровождался и процессом формирования крупных предприятий и превращения их в корпорации. Этот процесс (глобальный, в принципе, процесс укрупнения акторов социальной системы) являлся свидетельством высокого уровня развития экономических систем данных стран, что, в итоге, и обусловило появление господствующих сейчас представлений о процессе развития государства вообще и об империи как таковой в частности.

Вместе с тем, особенностью традиционной империи является фактическое постулирование ею необходимости строжайшей охраны своих объединительных институтов (в том числе и культурных). Какое-либо «развитие» в такой империи неотделимо от экспансии, и, более того, экспансия вообще является практически единственным способом для развития такой империи.

Высокий уровень развития социальной и культурной систем, большое количество и сложность структуры социальных связей внутри империи в совокупности с ориентированностью её на экспансию приводят к тому, что в отношениях с индивидом (то есть конечным элементом данной империи) главной чертой империи является некая «всеобъемлемость» — способность империи предложить элементу законченный всеохватывающий набор из универсальных моделей поведения. Более популярным в настоящее время способом можно охарактеризовать империю во внутренних отношениях со своими элементами как способную включить их в замкнутую и законченную «экосистему». Логичнее, однако, назвать наличие у империи данной способности свойством **монолитности**, поскольку оно указывает на:

1. Способность империи к концентрации своих ресурсов на определённый момент времени
2. Объединительные функции самой идеи принадлежности к данной империи (то есть нахождение идеи принадлежности к империи в числе религиозных составляющих культуры индивидов)
3. Схожесть практических действий элементов данной империи во внешних отношениях вне зависимости от наличия централизованного руководства, но исключительно в силу собственного мировоззрения

Эти черты позволяют империи во внешних отношениях «выглядеть» и действовать как единый, монолитный объект. Универсальность предлагаемого

империей набора моделей поведения делает его, в каком-то смысле, сходным с религией. Однако, в отличие от неё, данный набор всегда определяет **конкретные действия элемента данной совокупности**, а не его собственные личные абстрактные представления. Универсальность же данного набора означает применимость моделей поведения, входящих в него, в **большинстве** ситуаций, с которыми может столкнуться в своей деятельности элемент, включённый в империю. Поэтому уместнее было бы сравнение универсального набора моделей поведения, предлагаемого империей, с некоей «расширенной» и «структурированной» моралью, а не с религией.

Традиционная империя, однако, как уже говорилось, не просто ориентирована на экспансию, но способна развиваться всего одним способом, которым и является экспансия (то есть способна развиваться только путём экстенсивного расширения). Следствие этого — традиционная империя не просто включает индивида в свою «экосистему», не предлагает набор моделей поведения, но жёстко его навязывает. К тому же сам он чётко регламентирован, практически не допускает альтернатив в поведении индивида, и, естественно, подразумевает жёсткую иерархическую структуру всего общества внутри данной империи. И точно так же чётко традиционная империя следит и за выполнением индивидуумом своих функций в данной иерархической структуре,

поскольку поведение масс в данном случае напрямую связано с необходимостью охраны объединительных имперских ценностей.

В этих условиях (даже при некотором постоянстве в экспансионистской деятельности) только лишь идеи принадлежности к традиционной империи уже недостаточно для возможности обеспечивать её дальнейшее существование в качестве единой структуры. А в понимании индивидуума традиционная империя вообще скоро становится паразитирующим институтом, существование которого входит в противоречие с понятием личной свободы данного индивида. Поэтому экспансия как единственный экстенсивный способ развития означает, что традиционная империя быстро скатывается в недиссипативное, неустойчивое состояние, не обеспечивающее индивидууму достаточной лёгкости социальной мобильности.

Посмотрим на понятие «империи» с другой стороны, приняв во внимание описанные выше особенности понятия культуры вообще и «культурной подсистемы» социума в частности. Можно предположить, что любое социальное объединение в процессе своего существования (то есть в процессе качественного и количественного роста) будет вести себя сходно с поведением государств в историческом процессе формирования ими традиционных империй, при условии, что данное объединение обладает свойством монолитности. Причина этого состоит в том, социальный объект, взаимодействуя с другими и осуществляя какое-либо воздействие на других, изме-

няет и своё собственное состояние. То есть какое-либо взаимодействие с культурами других объектов приводит к изменению состояния и собственной культуры.

Одним из составляющих понятия экспансии в отношении культуры («культурной экспансии») являются действия по распространению своих собственных культурных ценностей в культурах других объектов. Очевидно, что осуществляя данную деятельность и сублимируя культуры других социальных групп, данная социальная группа изменяет и состояние своей собственной культуры. Более того, преобладающие внутри этой социальной группы неверные представления о последствиях такой деятельности, или о возможности сублимирования культуры какой-либо конкретной общности (сублимируемая культура может быть достаточно устойчивой к внешнему воздействию, в силу, например, близости своих ценностей к экзистенциальным потребностям её представителей), могут привести к деградации (подчас, неконтролируемой) культуры данной социальной группы. Поэтому сама по себе экспансионистская деятельность в данном подходе, в принципе, уступает место **способности** к экспансии. А способность к экспансии (не только способность к сублимированию иных культур и ориентированность на такие действия, но, в широком смысле, вообще действие по увеличению собственной «зоны влияния»), в свою очередь, напрямую зависит от внутреннего состояния собственной культуры данной социальной группы. Логично, что наличие свойства монолитности у какой-либо совокупности в этом случае указывает и на её способность

к культурной экспансии. Если кратко — поскольку экспансия (и способность к ней) в данном подходе отходит на второй план, будут ли проявляться в поведении той или иной социальной общности черты, сходные с поведением метрополии в традиционной империи, зависит от состояния культуры данной общности (в частности, от её монолитности).

Однако для того, чтобы некая социальная структура, являющаяся империей с точки зрения данного подхода, являлась и империей с точки зрения подхода традиционного, она должна сосредоточить в своём распоряжении значительные человеческие, экономические, политические (и другие) ресурсы (при чём из большого количества разных социальных подсистем), в идеале — полностью заменить для своих членов государство.

Таким образом можно сформулировать признаки, удовлетворение которым позволит тому или иному социальному формированию считаться империей:

1. Монолитность
2. Экспансионизм и ориентированность на экспансию
3. Контроль над большим количеством разнонаправленных ресурсов

Очевидно, что ближе всего к состоянию соответствия указанным признакам империи подходят крупные игроки системы экономических взаимоотношений, например, транснациональные корпорации, поскольку они, во-первых, концентрируют в своём распоряжении значительное количество ресурсов самого разного рода и, во-вторых, в процессе суще-

ствования ориентированы на экономическую экспансию. Несмотря на это, однако, в настоящий момент ТНК, как уже было описано ранее, не в состоянии полностью заменить собой государство и заинтересованы в его существовании.

Для того, чтобы обладать монолитностью, корпорации необходимо предложить более-менее законченный набор из культурных ценностей и моделей поведения, обладать способностью включить потребителя в свою «экосистему». Здесь проявляется другой недостаток корпорации — в силу своего экономического происхождения, в отношениях с индивидуумом корпорация (по крайней мере, в данный момент) не только не способна предложить ему действительно **универсальный** набор из культурных ценностей, концепций и моделей поведения, ограничиваясь только достаточно узкой сферой, включающей продукцию данной корпорации (количество ситуаций, в которых поведение индивида регламентируется набором моделей поведения, предлагаемым корпорацией, заведомо меньше такового у государства вообще и традиционной империи в частности), но и вообще переводит любые отношения (как с потребителями своей продукции, так и с внутренними элементами), в экономическую «плоскость», в разряд товарно-денежных отношений (то есть участники любых отношений рассматриваются корпорацией как пара «поставщик–потребитель»).

Для индивида же наиболее важным в рамках данного подхода как раз представляется взаимодействие в культурной системе. Поэтому транснациональные

корпорации до сих пор не смогли заменить собой государство и занять в социальной системе место, занимаемое раньше империями.

К тому же, экономические процессы (например, изменение спроса) являются достаточно быстротечными (по сравнению с историческим процессом формирования империй развитыми государствами), что означает краткость промежутка времени, в течение которого ТНК удовлетворяет потребности своих потребителей.

Отличия от традиционного подхода становятся особенно заметны, если рассматривать само общество, находящееся на постиндустриальной стадии развития. Поскольку в таком обществе экзистенциальные потребности индивида удовлетворены, преобладающим видом деятельности в обществе не является физический труд, а объединительные факторы территории снижены, такое общество находится в состоянии, при котором институты, выполняющие объединительные функции для культуры локального социума отделены от институтов, обеспечивающих существование и деятельность индивида в нём.

То есть, грубо говоря, «идеология» отдельно, а государство (занимающееся, как уже говорилось, в основном обеспечивающей деятельностью) — отдельно.

Данное разделение существует в настоящий момент в локальных социумах, находящихся на постиндустриальной стадии развития и свидетельствует о прохождении в этих обществах процесса, обратного проходившему когда-то в наиболее развитых государствах. Когда-то самостоятельность от религиозной

власти обрела власть государственная, в постиндустриальном же обществе идеология (бывшая когда-то в исключительной компетенции церкви) выделяется вновь на негосударственный уровень.

Иными словами, в постиндустриальном обществе процесс существования негосударственных социальных объединений будет не просто сходным с процессом формирования империй, но сами эти объединения будут стремиться взять на себя ещё и выполнение объединительных функции для данного локального социума (то есть стремиться стать метрополией по отношению к локальному социуму). Таким образом можно сформулировать следующее предположение: *в постиндустриальном обществе все идеологические функции (как и действия по изменению культуры данного общества) могут быть **отделены от государства** и находиться в компетенции негосударственных (в той или иной степени) социальных объектов.* Если раньше империя представляла собой мощное государственное объединение, то теперь ею может являться структура из различных социальных объектов локального социума (включая государство) с чётко разделёнными между ними функциями, то есть государство-метрополия уступает своё место метрополии-совокупности объектов, выполняющих обеспечивающие и объединительные (идеологические) функции.

Выполнение обеспечивающих функций находится в компетенции государственного аппарата и различных экономических объектов, а вот желание занять объединительное положение для локального социума

может появиться у многих социальных структур, например у политических партий, но, в принципе, в условиях высокого развития систем обмена информацией занять данное положение потенциально может вообще любой социальный объект. Однако политические партии в настоящий момент достаточно далеки от рядового индивида, то есть не способны предложить обычному человеку набор культурных концепций, способный заинтересовать его в достаточной степени, а значит — не могут стать действительно объединяющим локальный социум институтом (хотя в истории был момент, когда им это практически удалось) и в состоянии функционировать исключительно как посредники между государственным аппаратом и экономическими структурами.

Империя сильной личности

Другой особенностью данного подхода, отличающей его от подхода традиционного, является возможность описания социальных структур, которые, проявляя в поведении черты империи, не воспринимаются (их членами) паразитирующими на личности их членов.

Если некий социальный объект удовлетворяет признакам империи, но при этом ещё и является построенным на творческом сотрудничестве своих элементов для достижения ими всех общих целей, то в нём возможно существование устойчивой тенденции к росту социальной ответственности его элементов. Очевидно, что творческое сотрудничество, лежащее в основе данного объединения, указывает на преобладающую среди его участников модель поведения. Аналогично, «монолитность» в таком случае означает единение для достижения какой-либо цели ответственных, сознательных и конструктивных людей с высоким уровнем собственной культуры. Поэтому возможно назвать империю, *построенную на творческом сотрудничестве, в которой существует устойчивая тенденция к росту социальной ответственности индивида* — **«империей сильной личности»**.

Поскольку империя сильной личности построена на творческом сотрудничестве, она не паразитирует на своих элементах, не впадает в «ловушку общины», но наоборот, способствует развитию своих собственных членов и предоставляет им возможности по достижению очень значительных целей. Поэтому

несмотря на то, что такая империя по-прежнему ориентирована на экспансию, но развитие в ней возможно уже не лишь за счёт экспансионистских действий, но также и в виде прогнозируемого изменения состояния культуры как всей империи, так и отдельных её членов.

С состоянием культуры индивидов в империи сильной личности и, конкретно, элемента, выступающего для неё концентратором, с их уровнем развития связана и способность данной империи сублимировать другие культуры. Но это же означает необходимость, во-первых, постоянного регулирования процесса взаимодействия с другими культурами, и, во-вторых, постоянного пристального внимания к состоянию культуры самой империи, поскольку способность к сублимированию других культур не означает устойчивости ценностей культуры империи (особенно, в бесконтрольно проходящем процессе взаимодействия с другими) и не отменяет корректирующей функции субъектов, управляющих данной группой.

Теперь представим, что в каком-либо социуме, находящимся в состоянии, при котором экзистенциальные потребности его элементов удовлетворены (например, находящемся на постиндустриальной стадии развития), существует устойчивая тенденция к росту социальной ответственности индивида.

Очевидно, что, если в данном социуме действуют механизмы самоорганизации, то эта тенденция, в конечном счёте, приведёт к формированию в нём особой правящей группы.

Эта правящая группа будет являться надгосударственным социальным объединением, объединяющим данный социум.

Тенденция к росту социальной ответственности будет означать, что правящая группа рано или поздно сформирует в данном социуме империю сильной личности.

Поскольку выполнение обеспечивающей функции в таком социуме находится в компетенции специальных институтов (в том числе, государства), основной деятельностью данной группы будет стратегическое управление данным социумом (принятие и контроль за осуществлением управленческих решений, имеющих долгосрочные последствия для всего данного социума). В случае, если эта группа рассматривает влияние на культуру данного социума в качестве наиболее продуктивного способа управления им, стратегическое управление локальным социумом будет означать, кроме всего прочего, деятельность по управлению культурой данного локального социума. Данная деятельность будет направлена на:

1. Поддержание устойчивой тенденции к росту социальной ответственности индивида в данном социуме
2. Поддержание состояния, при котором данный социум будет являться построенным на творческом сотрудничестве личностей

3. Корректировку состояния культуры всего данного социума и отдельных его членов с целью:
 1. Минимизации влияния, оказываемого на неё различными социальными процессами, включая, например, защиту от различных кризисов
 2. Обеспечения возможности прогнозирования дальнейшего состояния социума и его культуры
 3. Построения новых целей существования и развития данного социума
 4. Поддержания культуры социума и отдельных его членов на высоком уровне (напрямую связано со способностью к культурной экспансии)
 5. Обеспечения возможности личностного развития членам социума
4. Управление и контроль за процессами взаимодействия культуры данного социума с другими культурами, включая обеспечение возможности дальнейшей (в том числе, культурной) экспансии
5. Обеспечение функционирования субъектов социальной системы, удовлетворяющих базовые потребности индивида
6. Обеспечение действия в данном социуме механизмов самоорганизации

Очевидно, что в постиндустриальном обществе весьма логичным для данной группы было бы широкое использование научных методов управления и прогнозирования — это во многом упрощало

бы её конкретные задачи и защищало от рисков для дальнейшего нахождения в качестве надгосударственного социального объединения.

В силу необходимости обеспечения простоты социальной мобильности, деятельность данной группы будет включать поощрение личностных свобод.

Поэтому невозможно создание империи сильной личности в обществе, построенном на идеях социального государства (то есть на идеях Маркса или Гегеля), так как это противоречит наличию тенденции к росту социальной ответственности, или социального дарвинизма (Ницше или Дарвина), так как это противоречит способности к взаимовыгодному сотрудничеству.

Если вспомнить, что режим является продуктом социума, то широкое использование правящей группой научных методов управления означает и соответствующее состояние наиболее активной части данного социума. Повышается значимость положения занимаемого образовательными и научными социальными институтами. Поэтому очевидно, что подобное общество по сути своей будет более близко к представлениям о постиндустриальном обществе, описывавшим его прежде всего как «общество знаний», более широко, нежели просто «общество с постиндустриальной экономикой». Логично, кроме того, предположить, что развитие науки вообще и научных институтов в частности будет являться приоритетным способом развития данного социума и существования его в долгосрочной перспективе, по-

скольку отсутствие такового привело бы к помехам в действиях механизмов самоорганизации и росту энтропии.

Для обозначения формы постиндустриального общества, стратегическое управление которым осуществляется научными институтами, введём понятие **«когнитивного общества»** (то есть «общества сознательного индивида») или **«когнитивизма»**. Соответственно, проекты построения такого общества можно назвать **«когнитивными проектами»**.

Когнитивное общество — общество, находящееся на постиндустриальной стадии развития, в котором:

1. Деятельность по стратегическому управлению осуществляется научными институтами.
2. Высока значимость научных и образовательных институтов для всех социальных систем.
3. Наиболее активная часть населения обладает:
 1. Способностью к творческому конструктивному сотрудничеству
 2. Критическим мышлением и способностью сознательного изменения собственной программы поведения
 3. Способностью эффективно использовать имеющиеся в конкретный момент времени обстоятельства и инструменты
 4. Желанием развития при помощи практического творческого познания окружающего мира

Следует подчеркнуть разницу между понятиями «когнитивное общество» и «империя сильной личности», поскольку они ни коим образом не являются синонимами друг друга.

Хотя когнитивизм так же как и империя сильной личности, имеет в своей основе постиндустриальное общество, основанное на творческом сотрудничестве, но он указывает на научную ориентированность общества, не более. Ключевой особенностью империи сильной личности, необходимым условием для её существования, является устойчивая тенденция к росту социальной ответственности индивида. Поэтому, хотя когнитивное общество может не являться империей сильной личности, логично было бы предположить возможность существования в нём последней, поскольку когнитивное общество является формой постиндустриального общества. Проще говоря, можно предположить, что в случае наличия в когнитивном обществе устойчивой тенденции к росту социальной ответственности индивида, возможно и весьма вероятно, что в данном обществе правящей группой будет сформирована «когнитивная» империя сильной личности.

Схожее с когнитивизмом устройство общества, впрочем, уже было описано ранее — в частности, строем общества, при котором руководство общественной системой находится в руках институтов, осуществляющих свою деятельность при помощи научных методов, является так называемый «ноократический» строй, или просто «ноократия».

В этом смысле стоит подчеркнуть основное отличие ноократии от теократии в данном контексте — в империи сильной личности правящей группой осуществляется управление не исключительно религиозными идеологическими ценностями, но всей культурной общностью при помощи научных методов, а само общество и государство являются диссипативными системами. То есть, повторимся, верховные органы власти удовлетворяют потребности в контролирующих или объединительных функциях, тогда как выполнение обеспечивающих ими субсидировано.

Не будем забывать, что режим является продуктом социума. Поэтому тот факт, что в современном обществе до сих пор не была реализована империя сильной личности, и негосударственные структуры не объединили вокруг себя общество, указывает на состояние культуры общества наиболее развитых стран.

Постиндустриальное общество, существующее сейчас, представляет собой не когнитивное общество, не «общество знаний», но просто общество с преобладанием «производства услуг», в чисто экономическую модель с главенствующими «массовыми ценностями», то есть в пресловутое «общество потребления». В силу описанных выше особенностей корпорации, существование в настоящий момент общества, в котором управление преобладающими «идеями» находится в её руках, также свидетельствует об определённом состоянии культуры данного общества. Конкретнее — о неспособности культуры данного общества

к сублимированию иных культур, точно так же как и об отсутствии в данном обществе устойчивой тенденции к росту социальной ответственности. Но, что ещё более важно, свидетельствует и о неспособности общественной и государственной систем быть ориентированными на поддержание положения устойчивого творческого сотрудничества их субъектов с целью достижения всеобщей выгоды.

Кроме того, поскольку культура как таковая в данном обществе отодвигается на дальний план, и никакие из существующих в нём институтов не рассматривают культурные ценности в качестве основных элементов, указывающих на его состояние, культурный обмен в данном социуме и процесс взаимодействия его с внешними структурами идут бесконтрольно, часто приводя к деградации культуры данного социума (примеры подобных результатов широко известны).

В конечном счёте можно сформулировать признаки, являющиеся свидетельствами того, что в каком-либо социуме в данный момент существует империя сильной личности:

1. Данный социум соответствует признакам империи.
2. В данном социуме существует устойчивая тенденция к росту социальной ответственности индивида.
3. Данный социум находится в состоянии, при котором экзистенциальные потребности индивида удовлетворены.
4. Центральные управляющие структуры данного социума осуществляют деятельность по созна-

тельному (ответственному и научному) управлению его культурной системой.

Космос

Можно задать вопрос — что может быть объединительной идеей для империи сильной личности в постиндустриальном когнитивном обществе? Какой набор представлений способен стать всеобъемлющей и замкнутой культурной концепцией, объединяющей социум вокруг правящей группы?

Учитывая исторический опыт развития человечества и особенности постиндустриального общества, было бы весьма логичным предположить, что ответ на данные вопросы весьма очевиден и напрашивается сам собой — космос.

Исторический промежуток времени, включающий конец XIX и XX века был для человечества, безусловно, переломным. В это время был достигнут наибольший прогресс за единицу времени, были произведены впечатляющие научные открытия и прорывы. Но главным, поистине, значимым в глобальном масштабе успехом XX века стал выход человека в космос. Более того, космос стал по-настоящему глобальной **идеей**, идеей, способной стать объединяющей для самых разных человеческих общностей или даже цивилизаций. Достаточно посмотреть на перемены, происходившие в общественном сознании в переломный момент 1960-х годов, которые, кстати сказать, одновременно явились связанными напрямую с достижением наиболее развитыми странами уровня развития, достаточного для перехода в постиндустриальную фазу своего собственного существования.

Существующее же в данный момент положение вещей, явившееся результатом, в том числе, неудовлетворённости потребностей поколения 1960-х годов, говорит о важной составляющей способности человечества к космическому развитию — о **космическом мышлении**. В самом деле, в сознании массового индивидуума космос долгое время являлся (и, в общем-то, является и в настоящий момент) всего лишь чем-то вроде мечты, игрушки забавной и ненужной на фоне вороха бытовых проблем, кажущейся несправедливости и мнимого непонимания в обществе. Разумеется, такая ситуация является одним из следствий существующего в развитых странах «общества потребления», то есть одним из следствий деградации культурного уровня общества и индивида. Тем не менее, наиболее важной чертой в данном случае является нахождение космоса как такового в роли некоего концепта, подсознательно воспринимаемого не просто положительно, но полагаемого напрямую связанным с идеей о «правильном», «справедливом» и вообще, лишённым недостатков и идеально организованном обществе. Эта черта указывает на место, в реальности занимаемое космосом не просто в культуре индивида, но в культуре всего человечества. Космос как таковой трансформировался в архетип, и актуальность космической идеи в социуме означает соответствующие изменения в мышлении индивида внутри данного социума.

В чём же заключается, собственно, космическое мышление? Поскольку для способности общества быть, так или иначе, ориентированным на космиче-

ское развитие необходимы достижение им определённого технического уровня (как и сами по себе космические исследования явились следствием технического прогресса) и ориентированность на развитие (включая науку) индивида, логично предположить, что космическое мышление во многом сходно с мышлением индивида когнитивного общества, а фактически — представляет собой таковое, дополненное влиянием космической идеи. Если изначально влияние космической идеи означало просто мышление в космических временном и количественном масштабах, в масштабах всего человечества, то в результате превращения космоса как такового в архетип, влияние на культуру некоторого общества космической идеи означает наличие у индивида данного социума культурных ценностей, осознанно сформированных им в результате соотнесения себя с космическим архетипом.

Мышление в глобальных масштабах означало, например, способность выстраивать отношения, избавленные от паразитизма и построенные на творческом сотрудничестве для достижения всеобщих целей, не только лишь с окружающими элементами социума, но в принципе со всей окружающей средой. В этом смысле показательным примером глобального мышления, ориентированного на выстраивание избавленных от паразитизма отношений со средой является идея Вернадского об «автотрофном» человечестве, то есть не ставящем условия собственного выживания в прямую зависимость от ресурсов Земли. Можно достаточно грубо объяснить трансфор-

мацию сознания. Человек доиндустриальной эпохи допускал паразитизм на среде просто в силу того, что не задумывался о подобных вещах, допуская одновременно необходимость удовлетворения собственных экзистенциальных потребностей. Индустриализация позволила человеку рассмотреть всё, окружающее его, с точки зрения заводов и ресурсов, рассмотреть некоторый элемент окружающей его среды в качестве винтика огромного социально-ориентированного механизма. Человек постиндустриальной эпохи, не мыслящий, однако, в полной мере в космических масштабах посчитает, что такие «отношения» с «природной» губительны для последней и будет протестовать против существования, например, молочных заводов (в которых корова понимается винтиком и эксплуатируется) не учитывая, при этом, существования объективных экономических законов и развития науки. Мыслящий в масштабе всего человечества индивид поставит вопрос иначе — прекращение зависимости человека от ресурсов Земли позволит одновременно удовлетворить потребности человечества и выстроить отношения с окружающей средой на основе симбиоза, без её эксплуатации.

Собственно мышление в космических масштабах (то есть соотнесение себя с объектами, сопоставимыми по размерам с космическими) и привело к превращению космоса как такового в архетип (в частности, в примере выше уже заметно, что понятия «человечество» и «среда» мыслятся сингулярными), на практике выраженное во включении многих архетипов, существовавших в подсознании человека ранее,

в семиотическое поле космоса (то есть в появлении у них способности быть выраженными и соотнесёнными через космический архетип) и превращении некоторых понятий, не являвшихся прежде архетипическими, в таковые. Прежде всего, подобным архетипом является вселенная, а вернее, в данном случае, **Вселенная**. Архетип Вселенной есть результат соотнесения индивидуума собственной личности с бесконечностью (принципиальной недоступностью в данный момент по отношению к размерам среднего человека) космоса и представляет собой сингулярность, заключающую в себе всё, всю историю человечества. Социальная ответственность применительно к архетипу Вселенной превращается в архетип **Защитника** как такового, то есть ликвидирует не просто страхи в одиночестве или в отсутствии социального признания отдельного человека, но приводит к устранению данных страхов и в масштабе абстрактной личности — то есть всего человечества. Наличие архетипа Вселенной и понятие «одиночество» — несовместимые вещи.

Сингулярность и бесконечность Вселенной приводят к тому, что в отношении творческой деятельности индивидуума она приобретает форму некоторого «идеала», уникального и эталонного объекта. Тогда сама способность к самовыражению и творчеству становится сходной с представлениями некоторых философских школ о демиурге, то есть формирует архетип **Творца**.

Но наиболее важна трансформация концепта «жизни и смерти». До сих пор не существует единственного, обоснованного и признанного научно определения понятия «жизнь». Но особенность космического мышления состоит в том, что, применительно ко Вселенной, представляемой в качестве сингулярного объекта, такие понятия вовсе перестают существовать. Деятельность индивидуума в космосе — абсолютное творчество. Вселенная — абсолютное пространство, абсолютное время. Это совершенно не важно, конечна она, или нет, имеются ли иные вселенные, или нет, каким был Большой взрыв — сам факт мышления на уровне соотнесения всего человечества с космосом уже предполагает трансформацию мышления индивидуума. В таких условиях жизнь индивида, жизнь человечества — абсолютная жизнь, жизнь, не способная начаться или закончиться, потому как масштабы этих понятий и объектов применительно к человеческой жизни и масштабу одного человека — совершенно немыслимы и фантастичны. Жизнь или смерть становятся понятиями весьма условными, а мышление человека, направленное на творческое взаимовыгодное сотрудничество приводят вообще к замене этих понятий понятием «сознательности» («уровня» осознания своих действий) в отношении любого объекта.

Говоря проще, идея **Бессмертия**, полагаемая многими в качестве универсальной и наиболее значимой для всей человеческой цивилизации находит своё прямое выражение в космической идее — выход в космос соотносится с обретением бессмертия напря-

мую, а осознание собственной интеграции во вселенную, как в объект сингулярный — с полным избавлением от понятия «смерть».

Итак, космическое мышление — мышление представителя когнитивного социума, дополненное:

1. Сопоставимыми с космическими пространственным и временным масштабами мышления
2. Единым архетипом космоса как такового, состоящим из космических архетипов:
 1. Вселенной
 2. Защитника
 3. Творца
 4. Бессмертия
3. Осознанно сформированными в результате соотнесения себя с космическим архетипом (то есть его составляющими) культурными ценностями (например, моделями поведения)

Наличие космических архетипов и их важность означает, как уже говорилось выше, что в них находит своё практическое выражение космическая идея. Человек предыдущий, человек докосмической эпохи оперировал понятиями окружающей его природы. Человек индустриальный мыслил в масштабах страны. Человек же космический оперирует набором сингулярных космических архетипов. В каком-то смысле можно провести аналогию и с формированием синтетического мышления у представителя западной цивилизации, подчёркнутого флективностью языков, в ней преобладавших.

Очевидно сходство космической идеи с религией в традиционном смысле этого слова. Вместе с тем, мышление индивида в когнитивном обществе включает в себя критическое отношение к окружающей реальности и себе, ориентированность на научное развитие. Получается, что для способности объединить когнитивное общество вокруг себя, одновременно сориентировав его на космическое развитие, правящая группа данного социума должна предложить объединительную идею, сочетающую в себе как черты науки, так и религии, причём религии космической. Примеры такой идеологии уже существовали в истории человечества — это прежде всего «Монизм вселенной», да и вся «Космическая философия» Циолковского и, разделявшего его взгляды, Чижевского. Именно в рамках данной концепции было впервые учтено большинство описанных выше архетипов, указано на возможность существования особого мышления индивида.

Космос в качестве культурной идеи явился достижением всего человечества, явился следствием, основанным на состоянии культурной, экономической, политической, научной и прочих социальных систем. И возможность космического мышления, космические проекции культурных концептов — всё это явилось продуктом культуры всего человечества, характеристикой её состояния. Поэтому любая концепция, включающая в себя указанные архетипы (в том числе и изложенная в работах Циолковского и Чижевского), является абсолютно непротиворечивой большинству существующих в настоящее время

религий, способной выступить для них в качестве объединительного элемента, возводящего их в ранг общечеловеческих, ориентирующего на новации и развитие. Если, конечно, не брать наиболее фанатичные и ориентированные исключительно на удовлетворение желаний их лидеров, идеологии.

Не следует, однако, забывать, что космическая идея как таковая является для правящей группы не самоцелью, но средством, обеспечивающим единение социума и, соответственно, его космическое развитие. Почему, собственно, космическое? Ограниченность ресурсов Земли и серьёзная зависимость человечества от них даже в современных условиях фактически не оставляют ему реальной альтернативы — как тут не вспомнить очень часто цитируемую фразу Циолковского о «выходе человечества из земной колыбели» и, уже упомянутую выше, идею Вернадского об «автотрофном» человечестве. Космическое развитие человечества автоматически снимает вопросы ограниченности жизненного пространства, ограниченности энергоресурсов.

В этих условиях очевидно, что долгосрочная перспектива развития науки и технического прогресса подразумевает, как минимум, повышение доли космических исследований и реальных проектов, связанных с освоением космоса, по сравнению с настоящим временем, а как максимум — начало, рано или поздно, полноценной космической экспансии. Более того, взглянув с этой точки зрения, можно сказать, что все существующие в настоящий момент космические программы имеют мало общего с этой перспективой.

Поэтому можно попытаться наивно сформулировать признаки, указывающие на **космическую ориентированность** действий данного социума:

1. Большинство участников социальной и экономической подсистем данного социума (включая как людей, так и их объединения) прямо или косвенно связаны в своей деятельности с космосом как таковым.
2. Внутри данного социума велики (сопоставимы с объёмами обмена «земными» ресурсами) объёмы обмена различными ресурсами между условными «космической» и «земной» областями.
3. В условных «космических» областях (вне Земли) постоянно присутствует значимое для социума (то есть, как минимум, большее статистической погрешности) количество участников социальной системы данного социума.
4. В различных подсистемах данного социума существуют дополнительные институты, появление которых обусловлено связью данных подсистем с космосом как таковым (и, возможно, потребителями продукта которых являются объекты, находящиеся в условной «космической» области).
5. В данном социуме отдаётся приоритет НИОКР, прямо или косвенно связанным с космосом как таковым.

Итак, можно определить, что в настоящий момент действительно ориентированным на космос социумом является когнитивное общество:

1. С преобладанием в нём космического мышления индивида;
2. Имеющее в качестве своей объединительной идеи какую-либо форму космической идеологии;
3. Ориентированное в своих действиях на космическое развитие.

Очевидно, что **космической империей**, в таком случае, в широком смысле является ориентированная на космос империя сильной личности, то есть *империя сильной личности, существующая в когнитивном социуме, ориентированном на космос и космическое развитие*. Учитывая признаки империи (а именно, монолитность), можно сделать предположение, что в космической империи возможно возведение в ранг важнейших ценностей, объединяющих культуру (практически, ещё одного важного архетипа) концепта **единения людей** — идеи творческого сотрудничества, выраженной через космический архетип.

Само собой разумеется, что существование космической империи возможно, так же как и когнитивного общества или империи сильной личности, исключительно в силу культурного уровня индивида, в качестве удовлетворения его потребности в космическом развитии. Поэтому, в силу многих причин, о которых уже говорилось выше неоднократно (вроде общества потребления и текущего состояния культу-

ры индивида наиболее развитых стран, отсутствия у него космического мышления и так далее) космически-ориентированное общество до сих пор не было создано, несмотря на всю логичность тезиса о безальтернативности космического развития человечества. По этим же причинам, навязать космическую идеологию или позиционировать её в качестве замены существующим в настоящий момент, нельзя.

Впрочем, не всё так безнадежно, как кажется. Фактически, возможно провести ещё одну историческую параллель — с эпохой великих географических открытий. Несмотря на описанное выше состояние культурной системы, развитие человечества не останавлилось, но перешло, в основном, в некоторое иное поле. Конкретно, в конце XX и начале XXI веков под прогрессом, в основном, понималось, во-первых, развитие прикладной науки, а не фундаментальной, а, во-вторых — доступность конечных средств производства (полученных в результате НИОКР) для конечного потребителя. И конечным потребителем понимался именно некий конкретный индивидуум. Это достаточно важные и фундаментальные тенденции, говорящие о том, что, в конечном счёте, развитие может привести к тому, что космическая идея возродится в умах масс вновь, но уже на основе доступности среднему человеку технологической базы, а процесс актуализации в его подсознании космического архетипа, осознанного конструирования моделей поведения на основе взаимодействия с ним, возникновения сознательного интереса к космической идее, будет достаточно лёгким и творческим.

Проще говоря, можно предположить, что в условиях доступности для индивида космоса как такового, космический архетип становится осознанным источником творческого вдохновения.

Всё это сравнимо с историческим периодом, предшествующим эпохе великих географических открытий, с периодом, приобретения новых средств, способных затем обеспечить массовые исследовательские экспедиции и экспансию в открытые территории. Как в тот период открытие новых территорий привело к переосмыслению индивидом собственного мышления и изменению баланса сил в европейской политике, к формированию новых тенденций в западной философии, так и сейчас доступность космоса конечному пользователю произведёт подобную трансформацию и станет логичным шагом на пути уменьшения зависимости государственных образований от территории. В этом смысле, крупные транснациональные корпорации и подобные им объекты социальной системы даже были бы заинтересованы в таком изменении ситуации. Однако это может быть рассмотрено как благоприятный фактор и для возможности формирования космической империи, поскольку, в конечном счёте, все подобные начинания способствуют потенциально высокому уровню сознания индивидуума, который не достигается в настоящее время в силу культурных особенностей. Тем не менее, более доступные космические технологии позволяют говорить о возможности формирования новых социальных систем, использующих их, и ори-

ентированных на достижение многих целей, напрямую связанных с космосом, например, той же авто-трофности.

Однако разговор о подобных проектах — в любом случае, дело будущего. Несмотря на свидетельства некоторых благоприятных тенденций, без массовой трансформации культуры индивида с переориентацией её на космос, без представлений о важности управления культурой у правящих групп в различных социальных объединениях, человечество не будет иметь другого выбора, кроме как по-прежнему барахтаться в своей колыбели, и делать прогнозы в этом смысле — рискованно. В этом смысле наиболее важными являются нацеленность индивидуума на осознанное творческое самовыражение и его способность к сотрудничеству. До тех пор, пока эти понятия не станут преобладающими у большинства населения в каком-либо социуме, рядовой его индивид не сможет взглянуть на себя с совершенно иной стороны, со стороны личности разумной, творческой и творящей, выражающей априорное, смело исследующей окружающую действительность, ощущающей сопричастность, способной к поистине невероятным достижениям — в общем, в полной мере осознающей себя, во-первых, частью как своей цивилизации, так и всего человечества, и, во-вторых — актором культурной общности, имеющим реальное желание и возможности к мощным конструктивным управляющим воздействиям, и, наконец, ответственной за последствия своих действий.

Часть вторая

Основания модели «ИКЯС»

Попробуем описать модель одного из вариантов иерархического устройства некоторого локального социума, в которой государство как таковое является одной из социальных систем и выполняет, в основном, обеспечивающие функции.

Данная модель не претендует на единственность в своём роде и описывает только один из возможных взглядов на способ существования государства в империи сильной личности.

Поскольку в данном случае говорится об одном из возможных вариантов существования империи сильной личности, для начала попробуем представить себе собственно некий социум, в котором империя сильной личности существует, а правящая группа предполагает приоритетным воздействие на культуру данного социума. Не будем при этом касаться идеологических или религиозных вопросов, сосредоточившись на внутреннем устройстве социума.

Будет достаточно логичным предположение, что правящей группе (несмотря на выполнение ею объединительных функций в социуме) не удастся в таких условиях занимать в полной мере надгосударственное положение, скорее логично предположить некоторое разделение внутри неё самой. Некоторые части правящей группы будут одновременно являться и правя-

щими группами различных государственных и негосударственных структур, то есть будут выполнять обеспечивающие функции. В надгосударственное положение же выделится часть правящей группы, непосредственно объединяющая социум вокруг себя, осуществляющая стратегическое управление и управление культурой данного социума. Эту последнюю в дальнейшем будем называть **надгосударственной контролирующей структурой** данного социума. Очевидно, можно сказать, что надгосударственная контролирующая структура субсидирует выполнение обеспечивающих функций государственным и негосударственным структурам вообще и другой части правящей группы в частности. Основными, несубсидируемыми функциями надгосударственной контролирующей структуры будут (из числа функций государства) управляющая и объединительная функции.

Возможно сделать ещё одно предположение. Для того, чтобы в полном смысле являться империей, данному социуму необходимо сконцентрировать в себе значительное количество человеческих (и территориальных, если мы говорим о государстве) ресурсов, а его правящей группе — контролировать значительное количество различных ресурсов (в число контролируемых ею входят человеческие ресурсы этого социума). Поэтому, в силу устойчивой тенденции к росту социальной ответственности индивида, а кроме того, поскольку государственный аппарат в данном случае воспринимается не более, чем одна из социальных подсистем, логично сделать вывод о федеративной с достаточной широкой автономией

субъектов федерации (или даже конфедеративной) модели государственного устройства в данном социуме.

Кроме того, возможно сделать и третье предположение. Специфика деятельности по охране культуры и управлению культурной системой в локальном социуме такова, что конкретные действия, выраженные в осуществлении надгосударственной контролирующей структурой (и, в принципе, всей правящей группой) управляющей функции в государстве могут быть восприняты индивидуумом как имеющие даже несколько авторитарный, с его точки зрения, характер. В этом смысле возможно рассмотреть пару из правящей группы и локального социума как неравновесную систему. Поскольку правящая группа является одним из продуктов культуры данного социума, то существование в нём империи сильной личности уже само по себе является одной из гарантий уважительного отношения надгосударственной контролирующей структуры и всей правящей группы к личности индивида. Вся правящая группа и отдельные её части уже находятся в целой системе ограничений и самоограничений. Если вспомнить об особенностях человека, существование в его культуре серьёзных внутренних ограничений — весьма важный фактор, определяющий практический характер его деятельности, поэтому особые, очень широкие полномочия надгосударственной контролирующей структуры могут приводить к весьма продуктивным действиям. Однако наличие устойчивой тенденции к росту социальной ответственности субъекта данного социу-

ма приведёт к устойчивому же желанию этого субъекта контролировать действия как надгосударственной контролирующей структуры, так и всей правящей группы. Разумеется, проявления этого желания могут быть непостоянными, или же неравномерно распределёнными по времени, но то, что всплески этих проявлений будут систематически происходить — факт. Не следует забывать и о существовании в любом социуме некоторых процессов, обусловленных объективными законами развития социума как такового. Поэтому для долгосрочного стабильного существования империи сильной личности (то есть поддержания в социуме как устойчивой тенденции к росту социальной ответственности его элементов, так и работоспособности механизмов самоорганизации) особую важность приобретает обеспечение правящей социальной группой существования механизмов, во-первых, согласованной с общим процессом социальной мобильности в социуме процедуры ротации своего собственного состава и, во-вторых, воздействия рядового элемента данного социума на правящую группу.

Итак, построение данной модели исходит из трёх предположений:

1. Положение правящей группы в империи сильной личности в локальном социуме формализуется, кроме всего прочего, устройством государственного аппарата (проще говоря, модель предполагает выстраивание государства вокруг объединяющей социум структуры).

2. Работа механизмов самоорганизации в империи сильной личности на очень большой территории и значительными человеческими ресурсами обеспечивается федеративной или конфедеративной структурой государства.
3. Наличие устойчивой тенденции к росту социальной ответственности означает необходимость существования возможности индивидуума воздействовать на правящую группу.

Федеративное устройство государственного аппарата означает, во-первых, что, в силу ориентированности правящей группы на воздействие на культуру данного социума, внутри данного социума, **одновременно** могут существовать государственный аппарат с высоким уровнем децентрализации (и сложной иерархией) и «социокультурная» система с низким, а сам этот социум может одновременно соответствовать признакам империи и обладать высокой устойчивостью (то есть *сочетать в своём устройстве черты систем с высоким и низким уровнями децентрализации одновременно*), гарантируя, при этом, удовлетворённость экзистенциальных потребностей индивида. Во-вторых, на практике федеративное государственное устройство означает, что правящая группа будет разделена не только функционально, но и территориально (то есть, например, некоторая часть центральных структур правящей группы будет занимать надгосударственное положение, а некоторая — нет). Во-третьих, это означает, что изначально субсидированное надгосударственной контролирующей структурой государству выполнение обеспечива-

ющей деятельность индивида функции внутри самого государственного аппарата будет субсидировано центральными органами (федеральным центром) субъектам федерации и негосударственным структурам. То есть функции самого федерального центра, центральных государственных органов — это, в основном, обеспечение деятельности субъектов и негосударственных структур, обеспечение возможности их эффективного взаимодействия между собой и предотвращение от распада государственной системы. В этом смысле можно сказать, что деятельность федерального центра носит, по большей части, посреднический, координирующий характер, а функции, выполняемые им — обеспечивающие, объединительные и формализующие, но выполняются они не по отношению к социуму, не по отношению к государству, а по отношению к субъектам федерации и негосударственным объединениям, то есть, по сути, по отношению к государственному аппарату.

Что касается самой надгосударственной контролирующей структуры, то выполнение ею объединительной функции при помощи воздействия на культуру данного социума означает, во-первых, поддержание существования в данном социуме империи сильной личности, а, во-вторых, работоспособности механизмов самоорганизации в различных социальных системах. С другой стороны, выполнение управляющей функции есть принятие стратегических решений, модификация всей государственной системы и различных подсистем социума, построение прогнозов

развития социума вообще и его культуры в частности, поддержание культуры социума в прогнозируемом состоянии.

Здесь имеется определённого рода тонкость — сохранение работоспособности механизмов самоорганизации в социальной и культурной системах в империи сильной личности означает сохранение состояния общества, стимулирующего индивидуума к творчеству, самовыражению и переосмыслению уже имеющегося у него исторического опыта с выработкой нового. То есть, управляя культурой, необходимо обеспечивать свободу творчества индивида, что одновременно явится частью деятельности по обеспечению существования в обществе социальных лифтов.

Поскольку выполнение обеспечивающей функции надгосударственной контролирующей структурой субсидировано, её вмешательство в дела субъектов федерации, обладающих широкой автономией, минимизируется, а действия становятся чётко выверенными. Поэтому приоритетным способом воздействия на социальную систему в долгосрочном периоде (особенно в когнитивном обществе) является управление образовательной системой.

На первый взгляд это кажется парадоксом — как же можно управлять образовательной системой, охранять культуру, при этом поощряя всяческие свободы? Однако это противоречие обманчиво. Поощряя свободу творчества и самовыражения, управляющие структуры социума таким образом поощряют постоянное воспроизводство культурных ценностей и достижений, создают условия для непрекращающегося

процесса обогащения культуры. Поскольку одним из смыслов действий по охране культуры является предотвращение возможной деградации культурных ценностей в результате роста энтропии в культурной и социальной системах, такие действия, поощряющие всевозможные свободы и творчество уже сами по себе являются направленными на охрану культуры.

Но дело не только в этом — образовательная система, какой бы она ни была и вне зависимости от ситуации в обществе, в конечном итоге оказывает одну из решающих ролей в формировании личности индивидуума и его собственных ценностей. В условиях устойчивой тенденции к росту социальной ответственности, индивидуум так же проявляет тенденцию и к самообразованию (особенно в когнитивном обществе). То есть действия надгосударственной контролирующей структуры, занимающейся регулированием культурной системы должны быть в основном направлены на формирование, с одной стороны, личности, способной к кооперации и взаимодействию, а с другой стороны — личности, способной не только плодотворно использовать накопленный культурный и исторически опыт, но и обогатить его в рамках спрогнозированных этим институтом тенденций. Кроме того, запретительные меры сами по себе не являются эффективными, а в условиях тенденции к росту социальной ответственности, вообще являются вредными.

Здесь, кроме того, нужно подчеркнуть разницу между деятельностью федерального центра, направленной на обеспечение целостности государственного

аппарата и деятельностью надгосударственной контролирующей структуры, направленной на обеспечение целостности всего социума, во-первых, и между обеспечением функционирования образовательной системы (что логично передать в компетенцию государственных структур) и управлением ею.

В итоге можно определить вопросы, находящиеся в компетенции **надгосударственной контролирующей структуры**:

1. Охрана культуры (все действия по управлению её текущим состоянием, поддержанию высокого уровня её развития и её экспансионистской ориентированности, в частности, через образовательную систему и регулирование взаимодействия с другими культурами).
2. Стратегическое планирование и развитие (наука).
3. Обеспечение целостности социума.
4. Обеспечение работоспособности в социуме механизмов самоорганизации (в том числе работоспособности и прогнозируемости поведения различных социальных систем, включая и государственную).

В компетенции **федерального центра** тогда находятся следующие вопросы:

1. Обеспечение целостности федерации.
2. Обеспечение возможности функционирования субъектов федерации и других негосударственных объектов социальной системы.

3. Обеспечение возможности взаимодействия между собой субъектов федерации и других негосударственных объектов социальной системы.
4. Координация и посредничество во взаимодействии между собой субъектов федерации и негосударственных объектов социальной системы.
5. Обеспечение функционирования государственных структур, существование которых необходимо всем субъектам федерации.
6. Взаимодействие с внешними объектами.

Теперь, перечислив основные функции различных социальных структур, можно построить непосредственно абстрактную модель государства в данном социуме (в более широком смысле — данного социума вообще).

Модель «ИКЯС»

Название модели означает «Индивид–Контролёр–Ядро–Субъекты». Модель «ИКЯС» представляет собой модель организации государственной власти «КЯС» («Контролёр–Ядро–Субъекты»), дополненную механизмом участия индивида в процессе принятия стратегических управленческих решений.

Данная модель основана на трёх предположениях, и функциональном разделении основных субъектов государственной системы, описанных в предыдущей главе. Как уже говорилось выше, модель «ИКЯС» несколько не претендует на исключительность и единственность в своём роде и описывает:

1. Один из возможных вариантов построения государства, существующего в империи сильной личности, не претендую, однако, в этом на исключительность;
2. Один из возможных вариантов организации социальной системы некоего общества, сочетающий высокие адаптационные способности децентрализованных и высокую управляемость централизованных систем.

Модель организации государственной власти «КЯС» описывает федеративное (конфедеративное) государство с широкой автономией субъектов и принципом субсидиарности, лежащим в основе взаимодействия между субъектами и федеральным центром, дополненное наличием надгосударственной контролирующей структуры. Впрочем, модель «КЯС» (и, со-

ответственно, «ИКЯС»), в принципе, может являться моделью организации любого социального объединения.

Что касается названия модели, то такое взято из компьютерной науки. Представим себе микроядро операционной системы, занимающееся управлением и организацией процессов (то есть организацией работы прикладных программ). Сами процессы — программы, с которыми работает пользователь.

«Суперпользователь» — администратор, его права доступа — наивысшие, а его вмешательство в основном требуется в «нештатных» ситуациях. Такая структура позволяет операционной системе быть достаточно гибкой (то есть легко менять своё собственное внутреннее устройство) и отказоустойчивой, поскольку предполагает модульность.

Соотнеся описание микроядерной архитектуры с предложенным в предыдущей главе вариантом функционального разделения социальных структур в империи сильной личности, можно заметить достаточно значительные сходства:

- Пользователем является *рядовой гражданин государства, Индивидуум*, участник системы социальных взаимоотношений.
- **Субъектами** (то есть прикладными программами) являются *субъекты федерации и негосударственные объекты социальной системы, которым субсидируется обеспечивающая функция.*

- **Ядром** является *федеральный координирующий и посреднический орган* (федеральный центр). Для выполнения его собственной обеспечивающей роли, он обладает особыми федеральными структурами. Эти структуры формально выполняют функции Субъектов, однако находятся в прямом подчинении федерального центра, поэтому их уместно назвать **«Служба-ми»**.
- Суперпользователем, администратором, является надгосударственная контролирующая структура — *«высшая» часть правящей группы, выполняющая несубсидируемые функции по охране культуры*, занимающая в обществе особое положение, и поэтому называемая **«Контролёром»**.

Существование механизмов воздействия индивида на процесс принятия стратегических решений в данном социальном объединении означает, в этом смысле, «зависимость» всех элементов модели от «мнения» конечных пользователей (например, необходимость суперпользователя «прислушиваться» ко мнению простых пользователей и тому подобное).

Отойдя от компьютерной терминологии к практике, можно, руководствуясь общепринятыми сейчас формулировками, сказать, что данная модель описывает федеративную (конфедеративную) парламентскую демократию с элементами авторитаризма (выраженными в существовании надгосударственных

ноократических органов) и прямой демократии (обеспечивающими участие индивида в принятии стратегических решений).

Федерализм, основанный на принципах широкой автономии субъектов и субсидиарности, лежит в основе данной модели, поскольку является одним из предположений, являющихся базовыми для возможности её формулирования. Между тем, особенность конкретно государственной системы в условиях империи сильной личности (то есть в обществе, основанном на сотрудничестве), состоит в том, что принцип широкой автономии в ней может приобрести новую составляющую — включение в основные права субъектов федерации право создания межсубъектных внутригосударственных локальных объединений, и вхождения в таковые. Тогда уместнее было бы говорить о «кооперативном» федерализме или конфедерализме.

Поскольку деятельность Ядра (концентратора) в данной модели состоит, в основном, в координировании взаимодействия Субъектов и посредничестве в нём, в обеспечении возможности их эффективного взаимодействия друг с другом, однако, Ядро, при этом, обладает и подчинёнными ему Службами, необходимыми для обеспечения целостности государственного аппарата, внешнего взаимодействия и решения неких, общих для всех Субъектов, вопросов, то само Ядро, в принципе, можно было бы назвать аналогом парламента в современной терминологии. А вернее — «верхней» палаты парламента, представляющей территориальное деление федерации, с под-

чинёнными ему федеральными министерствами (Службами). Хотя такая аналогия и допустима, например, в некоторой конкретной реализации модели, но, всё же, достаточно условна и «знак равенства» между деятельностью Ядра (носящей, в основном, посреднический характер) и законотворческой деятельностью традиционного парламента (ориентированного, в основном, на решение общефедеральных вопросов) ставить нельзя.

Инструменты прямой демократии, например, неограниченная процедура всеобщего референдума, проводимого периодически являются механизмами, гарантирующими возможность влияния конкретного рядового гражданина на процесс принятия стратегических для данного социума решений. Этим механизмом, однако, может быть и созываемый периодически «специальный» представительный орган. Хотя он не является инструментом прямой демократии, но способен выполнять функции данного механизма, поскольку сходен, по сути, с учредительным собранием.

Субъекты в данной модели (то есть, в принципе, субъекты социальной системы) действуют как равноправные сложные самостоятельные подсистемы, объединённые Ядром (концентратором) в единую структуру, нуждающиеся в регулировании их отношений друг с другом. Влияние Ядра на их деятельность минимизировано и сводится, как уже говорилось, в основном, к выполнению посреднических, координирующих функций.

Для совместного решения каких-либо вопросов, находящихся в исключительной компетенции Субъектов, сами они могут объединяться в локальные межсубъектные внутригосударственные объединения. Эти объединения могут быть созданы на чётко определённые сроки и с условием полного подчинения их федеральному центру. В империи сильной личности существование таких объединений внутри государства не повредит его целостности, но, наоборот, должно увеличить количество элементов социальной системы и взаимозависимость Субъектов друг от друга. В этом смысле право создавать такие объединения основано на понимании государственной системы как одной из подсистем социума (то есть субъекты сходны в условиях деятельности с негосударственными объединениями) и рассматривает субъекты (и негосударственные объединения) в качестве «аналогов» сотрудничающих сознательных социальных объектов.

Таким образом гарантируется большое количество субъектов социальной системы и сложность отношений между ними, то есть работоспособность в данной системе механизмов самоорганизации и удовлетворение экзистенциальных потребностей индивидуума.

Даже без права создавать внутригосударственные локальные объединения, Субъекты в данной модели обладают очень высокой степенью независимости как друг от друга, так и от самой системы в целом. В том числе и поэтому в модели существует контролёр — особый, «надсистемный» элемент. Хотя вообще цель его существования — управление культурной систе-

мой, но применительно к государственному аппарату его деятельность по обеспечению работоспособности социальных систем включает:

1. Вмешательство в деятельность системы в экстренных ситуациях, с которыми не может справиться выполняющее посреднические функции Ядро.
2. Управляющие воздействия на систему в случаях, в которых система должна выступать монолитным субъектом.
3. Защиту ядра от возможности потери им координирующего, по отношению к Субъектам, положения.
4. Существование в роли гаранта выполнения своих функций любым элементом системы.
5. Возможность проверки и отмены решений элементов системы различного уровня в качестве одной из дополнительных мер, предотвращающих систему от распада.
6. Важные для всех элементов системы стратегические управляющие воздействия.

Возможность участия индивида в принятии стратегических решений обеспечивается инструментами «прямой демократии» или специальным органом, поскольку существование парламента не является необходимым для обеспечения этой возможности механизмом. Об этом следует сказать подробнее.

Парламент в традиционной модели (точнее, в данном случае, «нижняя» палата парламента) существует перманентно как часть государственного аппарата, поэтому (как законодательная, в основном, власть)

занимается постоянной корректировкой государственной системы и ориентирован на взаимодействие с её элементами, а не с рядовым гражданином (то есть является, по сути своей, несколько оторванным от индивида). Поэтому вопросы решения фундаментальных проблем даже в странах с развитыми представительными органами, часто выносятся на всеобщее обсуждение, или же на рассмотрение специально созываемыми органами.

Изначально так происходит и в малой группе — важные всеобщие решения могут приниматься путём совместного обсуждения их всеми членами этой группы. Парламент появляется позднее, когда происходит разделение общественных институтов, и одни из них, выборные, берут на себя решение неких стратегических вопросов.

В условиях, описываемых моделью «ИКЯС» (то есть в империи сильной личности), существование механизма влияния индивида на процесс принятия стратегически важных решений означает существование механизма воздействия индивида на структуру всей общественной системы на любом из её уровней, изменять некие фундаментальные, основные принципы её существования. Очевидно, что обеспечить такую возможность можно именно при помощи инструментария «прямой демократии», то есть неограниченной всеобщей специальной Процедуры, либо, в силу способа комплектования, специального представительного Органа (что может быть особенно актуальным в случаях очень большого количества населе-

ния). Широта полномочий данных институтов оказывается, в принципе, сравнимой с широтой полномочий Контролёра.

В свою очередь, его чрезвычайно широкие полномочия, как уже говорилось выше, приводят к тому, что деятельность его может быть классифицирована индивидуумом как «авторитарная» даже несмотря на взаимовыгодное сотрудничество и личные свободы, лежащие в основе империи сильной личности. Это означает необходимость Контролёра быть подотчётным специальной Процедуре или же специальному Органу, а деятельность специального Органа или Процедуры, применительно к Контролёру, является фактически рассмотрением вопроса о доверии гражданина Контролёру.

При этом деятельность специального Органа или Процедуры, очевидно, должна иметь неограниченное применение, то есть полномочия данных институтов, в принципе, оказываются наиболее широкими среди всех общественных институтов, а любое воздействие на систему ими — достаточно исключительным по своей сути. Иными словами, широкое общественное обсуждение любого проекта или действий власти любого уровня таким способом, в принципе, является обсуждением не только непосредственно юридической стороны дела, но вообще всей ситуации в обществе. А это, в свою очередь, уже означает, что этот Орган, или же эта Процедура, не являются формами исключительно законодательной власти, но, вообще говоря, могут сочетать в себе функции и компетенцию всех трёх ветвей власти в традиционном понима-

нии. Это ещё одна причина, по которой специальный Орган или Процедура не могут быть полностью заменены парламентом (то есть так же, как и при сравнении парламента с Ядром, деятельность специального Органа или Процедуры имеет лишь отдельные сходства с деятельностью парламента).

Здесь нужно подчеркнуть ещё один важный момент, о котором уже, в принципе, говорилось ранее: Ядро в модели «ИКЯС» по сути своей ориентировано не на решение стратегических вопросов, а на выполнение координирующей и обеспечивающей функции на уровне Субъектов. Это значит, что деятельность Ядра принципиально отличается от деятельности специального представительного Органа (или специальной Процедуры). Если отойти от модели «ИКЯС» и говорить про модель организации государственной власти «КЯС», то в принципе Ядром было бы возможно принятие на себя таких полномочий. Однако в модели «ИКЯС», в условиях империи сильной личности, роста социальной ответственности индивида, субсидированной обеспечивающей функции и минимизированного влияния деятельности Ядра на жизнь гражданина, приобретение Ядром таких полномочий не только не будет закономерным появлением у него дополнительных функций, но приведёт к отдалению гражданина от участия в принятии стратегических решений.

Можно сказать ещё проще. В империи сильной личности власть принадлежит народу. Это означает что каждый гражданин имеет желание, возможность и способности влиять на принятие основных, страте-

гических, имеющих всеобщую значимость решений в государстве, а государственная машина ориентирована на удовлетворение этой потребности гражданина. Поэтому, возвращаясь к модели «ИКЯС», уменьшение роли специального Органа или инструментов прямой демократии (специальной Процедуры) и передача их полномочий Ядру будет отбирать власть у народа.

Только если в обществе существует тенденция к росту социальной ответственности индивидуума, если общество находится в диссипативном состоянии (то есть в нём действуют механизмы самоорганизации и обеспечена простота социальной мобильности), если культура общества и индивидуума высокоразвита, если в государстве поощряются всяческие свободы, если индивидуум имеет возможность участвовать в определении стратегического направления развития государства и изменении основных законов, только тогда власть в государстве действительно принадлежит народу.

О системе правоотношений в модели «ИКЯС»

Описание государственного устройства и организации социальных институтов в предыдущей главе применительно к функциям государства затрагивало контролирующую, объединительную и обеспечивающие функции, однако не касалось формализующей. В связи с этим, описывая модель «ИКЯС» нужно описать ещё один важный момент существования любого государства в любом социуме — систему правоотношений.

Принцип широкой автономии субъектов, являясь одной из составляющих частей федерального устройства государства в модели «ИКЯС» применительно к системе правоотношений означает, что Субъекты имеют возможность значительного изменения собственной внутренней системы правоотношений.

Другая составляющая часть федерализма в модели «ИКЯС» — принцип субсидиарности. Руководствуясь им, можно сделать предположение, что было бы весьма логично, если система правоотношений внутри субъекта будет более ориентирована на обычай, как источник права, для чего подходят многие элементы англо-саксонской правовой семьи, в частности, прецедентное право.

С другой стороны, субсидирование Субъектам выполнения обеспечивающей функции подразумевает, в принципе, что рядовой индивидуум наиболее часто будет сталкиваться с правовыми вопросами в процес-

се своего взаимодействия с конкретным Субъектом, на уровне данного Субъекта.

Тогда, поскольку государство в модели «ИКЯС» предполагается одной из подсистем социума, а субъекты федерации в своём положении более или менее равны негосударственным объектам социальной системы, логичным предположением, продолжающим принципы субсидиарности и широкой автономии будет тезис о необходимости поощрения в системе правоотношений государства деятельности негосударственных судебных институтов (например, института медиации). При этом регулирование деятельности данных институтов, очевидно, должно находиться в компетенции субъекта федерации.

На практике же, в империи сильной личности, в силу устройства её общества на конструктивном сотрудничестве независимых личностей и существования в нём устойчивой тенденции к росту социальной ответственности индивида, возможно без ущерба для личной свободы и прав граждан, без ущерба для общественной системы, возможно дать юридическую силу вообще любому решению, принятому единогласно тремя лицами, при условии, что остальные участники процесса не имеют возражений по составу этой группы.

Таким образом, одним из важных принципов, лежащих в основе системы правоотношений государства, построенного в соответствии с моделью «ИКЯС», является принцип **коллегиальности**, поскольку коллегиальное единогласное принятие судебных решений — следствие ориентированности Инди-

видуума (в модели «ИКЯС») в империи сильной личности на сотрудничество, на рост социальной ответственности.

С другой стороны, посредническая деятельность Ядра и управляющая деятельность Контролёра носят в основном дескриптивный характер.

Объединительная роль государства состоит в гарантии нахождения Субъектов в едином правовом поле (то есть в их равных правах), в единообразии (**гомоморфизме**) их внутреннего устройства.

Система правовых отношений на общегосударственном уровне, таким образом, не должна быть сильно ориентирована на обычай. То есть на уровне правовых взаимоотношений между Субъектами и Ядром и между самими Субъектами, логично применение в основном инструментария систем правоотношений романо-германской правовой семьи. При этом, в условиях роста социальной ответственности индивидуума и механизмов, обеспечивающих индивидууму возможность влияния на процесс принятия стратегических решений (проще говоря, в условиях, когда власть принадлежит народу), серьёзное изменение законодательства на общефедеральном уровне явно носит стратегический характер, и напрямую затрагивает желание гражданина участвовать в государственной деятельности. Это значит, что общефедеральные, стратегические законы должны быть кодифицированы (включая, например, наличие Конституции или Конституционных законов), а их изменение должно находиться в компетенции специ-

ального представительного Органа или же всеобщей выборной Процедуры (то есть «И» в модели «ИКЯС»).

Можно сформулировать принцип **полиморфности**, лежащий в основе системы правоотношений в империи сильной личности, построенной в соответствии с моделью «ИКЯС». Этот принцип *подразумевает гомоморфизм*, единообразие внутреннего устройства Субъектов и является правовой проекцией составляющих федерализма в модели «ИКЯС» принципов субсидиарности и широкой автономии. Принцип полиморфности означает, что Субъекты обладают унифицированной внутренней структурой, однако в праве сами определять свою собственную внутреннюю систему правоотношений. Однако на общегосударственном уровне, на уровне взаимодействия Субъектов друг с другом, правовые отношения должны являться чётко кодифицированными. Таким образом, принцип полиморфности подразумевает двухуровневую систему правоотношений с чётким разграничением федерального (стратегического) и местного, внутрисубъектного уровней правовых отношений.

На первый взгляд казалось бы логичным и уместным сформулировать ещё два дополнительных принципа — принцип «первичности культуры», описывающий особый правовой статус существования и деятельности Контролёра (в которой, кстати, может применяться некоторый инструментарий религиозной правовой семьи) и принцип «народовластия», описывающий особый правовой статус специального Органа или Процедуры («И» в модели «ИКЯС»), поскольку

ку очевидно, что эти институты находятся вне правового поля Субъектов и Ядра. На практике же такое разделение уместно только для возможности выделения из модели «ИКЯС» модели организации государственного аппарата «КЯС». Описанные принципы народовластия и первичности культуры указывают на особый статус и особые полномочия различных социальных институтов, однако сами эти особые статус и полномочия происходят из одного источника — из существования в империи сильной личности устойчивой тенденции к росту социальной ответственности.

Устойчивая тенденция к росту социальной ответственности, приводящая к желанию индивида участвовать в принятии стратегических решений — причина существования специального Органа или специальной Процедуры («И» в модели «ИКЯС»).

Положение Контролёра в этом смысле отличается только его особыми качествами: способностью осуществлять управляющее воздействие на культурную систему при помощи научных методов, однако само положение его (как и необходимость осуществления управляющего воздействия на культуру) в данной модели также имеет в своей основе существование в данном обществе империи сильной личности.

В конечном счёте, учитывая всё, сказанное выше, объединим принципы народовластия и первичности культуры и сформулируем таким образом третий основополагающий принцип системы правоотношений государства, реализующего модель «ИКЯС» — принцип **сознательности**.

Принцип сознательности означает:

1. Универсальность и неограниченность решений Контролёра и специального Органа или специальной Процедуры («И в модели ИКЯС»).
2. Преимущество решений Контролёра над решениями любого другого элемента социальной и государственной систем, кроме Специального Органа или Специальной Процедуры («И в модели ИКЯС»).
3. Преимущество решений специального Органа или специальной Процедуры («И в модели ИКЯС») над решениями вообще любого государственного или общественного института.

Итак, империя сильной личности в данном случае требует, помимо организации государственного аппарата в соответствии с моделью «ИКЯС», описанной в настоящей главе системы правоотношений.

Проще говоря, один из вариантов построения империи сильной личности — модель «ИКЯС» + Система правоотношений, основанная на принципах Коллегиальности, Сознательности и Полиморфности (подразумевающей гомоморфизм).

О практической реализации модели «ИКЯС»

Перейдём к описанию более практического варианта реального устройства государственной системы в империи сильной личности, то есть к более конкретному варианту практической реализации модели «ИКЯС».

Поскольку в данном государстве существует система правоотношений, описанная выше, это государство является правовым. В соответствии с принципом полиморфности, в империи сильной личности существует Конституция или же ряд Конституционных законов. На общефедеральном уровне обеспечивается функционирование инструментария романо-германской системы правоотношений. В таком случае, изменение Конституции или же Конституционных законов лежит в компетенции специального Органа (например, Специального Собрания) или же специальной Процедуры («И» в модели «ИКЯС»), поскольку сама суть Конституции носит стратегический характер.

Таким образом, на практике полномочия специального Собрания или же специальной Процедуры являются практически неограниченными, включая в себя:

1. Решение вопросов изменения Конституции и фундаментальных федеральных законов государства.

2. Воздействие на государственные институты всех уровней (включая Субъекты, Ядро и Контролёра из модели «ИКЯС»).
3. Утверждение или же отмена любых решений государственной власти (или объекта, выполняющего данные функции) любого уровня (включая Субъекты, Ядро и Контролёра из модели «ИКЯС»).

А в силу особых полномочий и особого положения Контролёра, его решения вообще должны обязательно выноситься на обсуждение этого собрания или процедуры. Всем этим обеспечивается принадлежность власти в данном государстве народу, её гражданам.

Представим, что данные функции выполняет специально созываемое периодически Собрание. Ключевым вопросом становится вопрос его комплектации.

В соответствии с принципом гомоморфизма (подразумеваемым принципом полиморфности), Субъекты (принадлежащие к государственному аппарату) имеют унифицированную внутреннюю структуру. Поскольку существование модели «ИКЯС» применительно к государству, как уже говорилось, по идее, предполагает возможность отнесения данного государства к парламентской республике, внутри Субъектов существует чёткое отраслевое разделение властей, в частности, как, опять же, говорилось выше, существуют избираемые высшие законодательный и исполнительный органы, причём с более широкими полномочиями органа законодательного. Тогда, в случае если специальное Собрание комплектуется

путём всеобщих выборов, даже в империи сильной личности возможна ситуация, при которой выборы законодательных и исполнительных органов в Субъектах будут, по сути, дублировать выборы в Собрание.

Индивидуум, как уже говорилось, заинтересован в участии в государственной деятельности не постоянно, а периодически, для решения стратегических вопросов, поскольку обеспечивающая функция на федеральном уровне субсидирована. В случае возникновения такой ситуации, то есть существования реальной необходимости уменьшить навязанное участие в политической деятельности индивидууму, в силу этого же принципа субсидиарности (то есть в том числе и близости органов Субъекта к гражданину), в соответствии с принципом коллегиальности, логично попытаться объединить выборы местных властей в Субъектах и выборы в специальное Собрание, включив в состав его всех членов высших органов законодательной и исполнительной властей всех субъектов федерации. Вхождение представителей исполнительной власти в это Собрание возможно в силу того, что в модели «ИКЯС» в компетенцию Собрания (как практического органа, представляющего Индивидуума) входят не только вопросы Конституционного законодательства.

Итак, совокупность высших законодательных и глав исполнительных органов Субъектов федерации формирует высший государственный орган — специальное Собрание, периодически созываемое через определённые промежутки времени с полномочиями по решению любых государственных вопросов, изме-

нению Конституции и фундаментальных федеральных Конституционных законов, утверждению решений Контролёра и определению стратегического направления развития государства. В остальное время члены этого Собрания выполняют свои обязанности внутри своих Субъектов. Однако, это общее Собрание может быть созвано и внепланово, в случае возникновения непредвиденной экстренной ситуации.

Как в этом случае может комплектоваться Ядро? Выполняя координирующие функции, Ядро находится в непосредственной близости к потребителю своих услуг — то есть к Субъектам (здесь уже не только элементам государственного аппарата). Однако комплектовать его исключительно на основе представителей Субъектов (местных законодательных органов в Субъектах федерации и представителей негосударственных структур) было бы неправильно, поскольку, во-первых, уменьшало бы возможность Индивидуума воздействовать на решение не стратегических, но постоянных, повседневных задач. Во-вторых, такое комплектование Ядра будет означать его полное соответствие с законодательной ветвью власти, тогда как суть его деятельности находится в посредничестве между Субъектами, а так же в управлении и контроле за деятельностью Служб (то есть Ядро принимает в таком варианте форму некоторого «коллективного» главы высшего исполнительного органа).

С другой стороны, исключительно выборный способ комплектования породил бы излишнее количество дублирующих друг друга выборов различных

государственных органов. Тогда логично предположить, что Ядро должно комплектоваться на смешанной основе — частично прямым голосованием граждан в своих Субъектах, частично из представителей законодательных органов Субъектов федерации и негосударственных Субъектов.

Таким образом Индивидуум принимает участие всего в трёх выборах, имеющих общегосударственное значение — в выборе главы своего Субъекта федерации, в выборе законодательного органа своего Субъекта федерации и в выборе представителя своего Субъекта федерации в Ядре. Возможно даже совместить некоторые из этих выборов.

Конечно, выборный процесс внутри Субъекта может включать и другие мероприятия, но они уже не будут иметь такой важности для всего государства. С другой стороны, важность всех этих трёх выборов становится очень высокой, поскольку их результаты напрямую непосредственно влияют на существование государства в целом и индивидуума в частности. Создаётся сбалансированная система, где, с одной стороны, удовлетворяются потребности Индивидуума в государственном управлении и контроле, а с другой — поддерживается минимальное вмешательство государства в жизнь Индивидуума.

В таком варианте Ядро функционирует в промежутках между созывами Специального Собрания. Представим другой вариант, при котором роль механизма, обеспечивающего возможность воздействия индивида на управляющие государством структуры («И» в модели «ИКЯС») выполняет не специально со-

зываемое Собрание, а процедура неограниченного всеобщего Референдума. В таком случае, Ядро становится в большей степени аналогом парламента в традиционном понимании. В соответствии с принципами коллегиальности, полиморфности и субсидиарности, комплектовать Ядро в этом случае логично сходно с описанным выше способом комплектации Собрания. То есть на смешанной основе, частично — прямым голосованием граждан (хотя наличие избираемой части не является полностью обязательным, так как может привести к избыточному количеству выборных процедур), частично — от представителей высших органов законодательной (а возможно, и исполнительной) власти Субъектов федерации и негосударственных Субъектов. При этом в данном случае включать всех членов высших органов законодательной власти Субъектов не представляется возможным, поэтому в состав Ядра должны входить именно **представители** этих органов.

Ключевым вопросом, в таком случае, становится вопрос о процедуре вынесения государственного вопроса на всеобщий Референдум. Поскольку Ядро в этом варианте является в большей степени аналогом парламента, логично передать это право либо избираемым прямым голосованием членам Ядра, либо, если избираемая напрямую часть Ядра отсутствует, то некоторому специальному органу, который, как раз и должен в таком случае быть периодически избираем для вынесения вопроса на всеобщий Референдум.

Решения Контролёра, в таком случае, выносятся на рассмотрение Референдума автоматически, но и сам Контролёр, тоже должен иметь право вынесения вопроса на рассмотрение всеобщего Референдума. И тем не менее, эту процедуру всё равно нельзя назвать законченной, конкретный механизм всё ещё требует проработки. При этом, сам Референдум проходит систематически, через определённые промежутки времени — стратегическое направление развития государства, решения Контролёра должны быть обсуждаемы в обязательном порядке, поскольку так обеспечивается принадлежность власти народу. Но разумеется, Референдум может быть созван и внепланово, в случае, если в этом есть реальная практическая необходимость. Право созыва Референдума принадлежит Контролёру, а так же Ядру и (или) специальному органу, обладающему правом вынесения вопроса на Референдум.

Функционирование Ядра в этом варианте, хоть и логично привязать к периодическому Референдуму, но, в силу большей гибкости процедуры, данная привязка не так критична, поскольку деятельность Ядра может корректироваться Референдумом гораздо чаще, нежели Собранием.

Благодаря достигнутому в последнее время технологическому уровню развития систем обмена информацией можно описать ещё один вариант существования Референдума. Каждый гражданин может обладать правом высказывать своё мнение относительно стратегического направления развития государства на данном временном этапе. Современные статисти-

ческие системы на основе этих данных позволят получить реальную информацию об уровне поддержки населения стратегического курса (прежде всего, Конституции или Конституционных законов). В случае достижения определённых значений данными показателями, центральные органы власти автоматически ставятся в положение необходимости пересмотра стратегического курса. Для защиты системы от сбоев и обеспечения прогнозируемости деятельности государственной машины можно ввести дополнительное небольшое ограничение на применение такого права гражданином (в стимулирующих мерах в обществе с устойчивой тенденцией к росту социальной ответственности индивида необходимости нет). Например, право высказывания своего отношения к ситуации в государстве может появляться у гражданина через год после предыдущего использования такого права. Первое согласие или несогласие с Конституцией, Конституционными законами и текущим курсом, в таком случае высказывается либо непосредственно в момент получения гражданином документа о гражданстве, либо по достижению им определённого возраста.

Описанный вариант, впрочем, скорее представляет собой не непосредственно вариант реализации процедуры Референдума, но один из инструментов прямой демократии, в основном ориентированный на обеспечение возможности воздействия гражданином на стратегическое законодательство (хотя, конечно, ничего не мешает рассматривать подобным образом и другие правовые акты). Однако данная идея (по-

мимо по-прежнему требующего дальнейшей проработки механизма вынесения того или иного вопроса на рассмотрение данной процедуры) нуждается в решении важного вопроса — вопроса о государственном институте, обеспечивающем функционирование Референдума в описанном варианте (поскольку этот институт должен обеспечивать обязательность действий властных структур в случае достижения показателями настоящей процедуры «критических» значений, а Контролёр сам является подотчётным решением Референдума).

Вернёмся, однако, к Ядру. Вне зависимости от того, играет ли роль специального Органа Собрание или же Референдум, в компетенцию Ядра, выполняющего координирующие, посреднические функции для Субъектов, входят:

1. Формирование и контроль за деятельностью Служб (федеральных министерств, кабинета министров).
2. Принятие федерального бюджета.
3. Корректировка (принятие или же модификация) нестратегического законодательства, не входящего также в компетенцию Субъектов.
4. Рассмотрение текущих хозяйственных вопросов.

Существование прокуратуры (как Службы) не является обязательным для этой модели, однако о её функциях стоит сказать отдельно. Основной функцией прокуратуры в модели является объединительная. Прокурор каждого Субъекта федерации назначается сверху и следит в основном за соблюдением

общефедерального законодательства на территории этого Субъекта. В ведении прокуратуры же находятся правовые и правоохранительные вопросы на общефедеральном уровне.

Далее — Контролёр. Контролёром является особый надгосударственный институт, занимающийся охраной культуры и сознательным стратегическим управлением социокультурной системой государства.

В силу этой роли его положение исключительно, а полномочия очень широки — Контролёр, действуя в соответствии с Конституцией или Конституционными законами, вправе отменить любое решение власти любого уровня, однако не вправе изменить саму эту Конституцию или фундаментальные стратегические законы.

Поскольку в модели «ИКЯС» власть принадлежит Народу, сам Контролёр, являясь надгосударственной структурой, тоже подчиняется специальному Органу, специальному Собранию или же Референдуму («И» в модели «ИКЯС»), с деятельностью которого у деятельности Контролёра есть определённое сходство в силу широты их полномочий и надгосударственного положения Контролёра. Более того — решения Контролёра должны выноситься на обязательное обсуждение (утверждение) этим Органом. При этом сам Контролёр имеет право выносить вопросы на обсуждение специального Органа, а в варианте, при котором этим Органом является Собрание — является председателем Специального Собрания.

Основным вопросом и в отношении Контролёра является вопрос «передачи власти», то есть вопрос смены объекта, выполняющего функции Контролёра. В силу особого характера своей деятельности, Контролёр обязан самостоятельно ограничивать себя от злоупотребления своими полномочиями и вмешательства в государственную систему в повседневном процессе её деятельности (то есть является «ноократическим» институтом).

Поскольку обеспечивающая функция государства субсидирована, принцип широкой автономии Субъектов означает, что постоянное вмешательство Контролёра в их деятельность приведёт к помехам в работе механизмов самоорганизации в социальной системе как внутри них, так и вне их. Тем не менее, Контролёр принимает участие в государственной жизни постоянно, являясь, таким образом, одним из объединительных субъектов для культуры в Империи, выполняя, также, роль гаранта в системе правоотношений (выполняя формализующую функцию государства), и роль некоторого научного эксперта. Такой характер деятельности Контролёра и его особое положение приводят к тому, что Контролёр должен являться в меньшей степени политическим и в большей степени научным институтом (отсюда, в том числе, и его «ноократичность»).

Самоограничения Контролёра от узурпации власти и действий по превращению социальной системы в собственную гегемонию возможны только в условиях существования империи сильной личности в силу устойчивой тенденции к росту социальной ответ-

ственности Индивидуума. Эти самоограничения возможны только в силу собственной культуры Контролёра, в силу преобладания в культуре (продуктом которой он и является) модели поведения, основанной на сознательном взаимовыгодном сотрудничестве.

Таким образом, Контролёр сочетает в себе функции судебной и исполнительной (особой, «супер-исполнительной») ветвей власти в традиционной классификации. Особое же положение его приводит к тому, что в реальности Контролёр является аналогом теократического монарха, однако осуществляющего деятельность на основе научного подхода. В таком случае, Контролёр не должен быть избираем всеобщим голосованием, поскольку он подчиняется особому Органу и является в большей степени научным институтом. Поэтому было бы логичным комплектование Контролёра на специальном заседании руководства академии наук, или же специально существующим для этой цели советом ведущих научных деятелей. Но и не менее логичным было бы передать функции Контролёра особому научному институту, существующему постоянно, например, специальному комитету академии наук, или же специальному научно-исследовательскому институту. Учитывая, что в империи сильной личности Контролёр может быть «изначально» негосударственным институтом, вполне возможным и логичным было бы и исполнение функций Контролёра неким аналогом партии. В конечном счёте, главным требованием, предъявляемым к процедуре передачи власти Контролёра является

её необходимость её сходства с процедурой ротации кадров в академии наук или любом другом научном учреждении.

Особенности положения Контролёра означают, что его опорой является его же собственный, специально функционирующий аппарат. Функции этого аппарата:

1. Обеспечение деятельности собственно Контролёра, включая информационный анализ положения в государстве и обществе.
2. Обеспечение выполнения и контроль за выполнением его решений.
3. Частично — предотвращение государства от распада (то есть выполнение несубсидированной объединительной функции путём поддержания в системе баланса между Субъектами и Федеральным Центром, Ядром и Контролёром).

Кроме того, аппарат Контролёра дополняет или же замещает функции государственной власти любого уровня, государственного аппарата любого уровня, в случаях возникновения экстренных, непредвиденных ситуаций. Собственно, действия в таких ситуациях — как раз основное, для чего и необходимо существование Контролёра применительно к государственной системе.

Стоит отдельно отметить важную фундаментальную вещь — в этой модели чёткое разделение властей на классическую схему из законодательной, исполнительной и судебной ветвей существует только на уровне внутри Субъекта. На федеральном же уровне гра-

ницы между ветвями власти несколько стираются, поскольку, в силу своей ориентированности на посредническую координирующую деятельность, Ядро берёт на себя не только функции законодательной власти, но и, частично, исполнительной. Контролёр же, в свою очередь, в силу своего особого положения, выполняет функции не только исполнительной, но и судебной ветви власти.

Варианты и выводы

Итак, можно сформулировать признаки, указывающие на то, что в каком-либо социуме на государственном уровне реализована модель «ИКЯС» с системой правоотношений для неё:

1. Данный социум соответствует признакам империи сильной личности.
2. Федеративное или конфедеративное государственное устройство данного социума и организация государственного аппарата в соответствии с принципами субсидиарности и широкой автономии.
3. Наличие центрального представительного органа.
4. Существование надгосударственной контролирующей структуры.
5. Универсальная и неограниченная процедура всеобщего Референдума или существование всеобщего Специального Собрания.
6. Система правоотношений, основанная на принципах полиморфности, коллегиальности и сознательности.

Однако данные признаки подразумевают организацию устройства государственного аппарата в каком-либо локальном социуме непосредственно для формализации предположенного функционального разделения социальных групп в империи сильной личности.

Поскольку в данный момент не существует государств и обществ, находящихся в состоянии империи сильной личности, применение всех указанных при-

знаков к какому-либо современному государственному образованию является не совсем корректным. Вместе с тем, отдельные институты модели «ИКЯС» могут быть прекрасно проиллюстрированы институтами в существующих в настоящий момент государственных образованиях.

Развитые институты федерализма и прямой демократии, например, иллюстрируются примером **Швейцарии**. В настоящий момент Швейцарская конфедерация определяется Конституцией как демократическая федеративная республика, однако исторически швейцарское государство представляло собой конфедерацию практически независимых друг от друга государств (кантонов), что даже подчёркивается официальным названием государства. Децентрализация, однако, характерна для государственного устройства Швейцарии и в настоящий момент: Конституция гарантирует кантонам очень широкие права самоуправления, в том числе, например, в финансовых вопросах или в сохранении кантонами собственных Конституций, при чём субъекты федерации имеют значительные гарантии от вмешательства в свою деятельность федерального центра. Кроме того, Конституция оставляет в компетенции Кантонов вопросы правосудия, в следствие чего имеется значительное своеобразие устройства органов региональных судебных систем.

Что касается институтов прямой демократии, то здесь Конституция Швейцарской Конфедерации прямо постулирует, что высшая законодательная власть в Швейцарии принадлежит гражданам. Более

того, Швейцарию вообще часто называют «родиной референдумов». В настоящее время процедура Референдума внутри Швейцарии очень развита. Любой законодательный акт после принятия парламентом и решение стратегических вопросов (например, изменения Конституции) выносятся на обязательный всеобщий референдум. Существует понятие «срочного закона», по истечению определённого периода тоже выносимого на всеобщий референдум. Но, кроме того, существует и особая процедура созыва референдума «снизу», то есть так называемая «народная инициатива», при которой внеплановый референдум по какому-либо вопросу проводится после сбора определённого количества подписей, то есть по желанию граждан.

Если провести аналогию с описанными вариантами практической реализации модели «ИКЯС», то в отношении Швейцарии можно говорить как раз о варианте, в котором деятельность Ядра близка деятельности парламента в классическом понимании (как раз в силу существования процедуры всеобщего Референдума). Роль парламента выполняет двухпалатное Федеральное собрание, состоящее из Национального Совета и Совета Кантонов, причём последний состоит из представителей Кантонов, процедуру делегирования которых Кантоны имеют право определять самостоятельно (Национальный Совет комплектуется путём всеобщих выборов). Очевидно, что Совет Кантонов является наиболее близким по спо-

собу комплектования институтом к Ядру в модели «ИКЯС» и прекрасно иллюстрирует возможный вариант существования Ядра.

Наиболее важные решения принимаются на совместных заседаниях обеих палат. Важнейшей функцией Федерального Собрания являются выборы членов Федерального Совета, подотчётного в своей деятельности Федеральному Собранию. Федеральный совет, в свою очередь, является не просто аналогом правительства или министерств — но представляет собою вариант коллективного главы государства. Таким образом, Федеральное Собрание (а вернее, Совет Кантонов) и Федеральный Совет являются практически полными аналогами, практическими реализациями Ядра и Служб Ядра в модели «ИКЯС», хотя их деятельность всё равно несколько шире.

Более того, способ существования Федерального Совета, то есть коллективный способ управления государством позволяет даже говорить об элементах коллегиальности, имеющихся в правовой системе Швейцарии.

Вместе с тем, одно из отличительных особенностей швейцарской государственной системы является особое отношение гражданина к своему участию в государственном управлении, как к обязанности каждого гражданина, несвязанной с его «основной» деятельностью. Большое количество референдумов приводит к очень буквальному восприятию государственного процесса всеми гражданами, к ощущению гражданином своей субъектности для системы правовых, общественных и государственных взаимоотношений. Это

отношение, в некотором роде, является очень схожим с наличием устойчивой тенденции к росту социальной ответственности индивидуума в обществе.

Как уже говорилось выше, в Швейцарии полностью отсутствуют органы, сходные с Контролёром в модели «ИКЯС». Более того, среди наиболее развитых государств присутствуют и другие федеративные государственные образования, например США или Европейский Союз. Подобная ситуация вновь приводит ко второму предположению из лежащих в основе модели «ИКЯС», к предположению о том, что федерализм является наиболее приемлемым государственным устройством для высокоразвитого общества с большим количеством населения.

С другой стороны, число государств, в которых институты, подобные Контролёру, существуют, вообще весьма незначительно. Например, определённое сходство с деятельностью Контролёра прослеживается в деятельности некоторых органов государственного аппарата **Исламской Республики Иран**, в свою очередь, не являющейся федеративным государством и не обладающей институтами прямой демократии, сходными по уровню развития со Швейцарскими.

Функции надгосударственной контролирующей структуры в Иране разделены между Высшим Руководителем («Рахбаром»), «Советом Экспертов» и «Советом Стражей Конституции» (в этом смысле интересно, что несмотря на унитарную структуру государства, отличительной чертой Ирана является большое количество советов на верхнем уровне государственной власти, то есть можно сказать о наличии

в государственном аппарате некоторых институтов, функционирующих в соответствии с принципом коллегияльности). «Совет Экспертов» частично выполняет функции Специального Собрания («И в модели ИКЯС»), поскольку его основными полномочиями являются полномочия по назначению и оценке деятельности Высшего Руководителя. Однако этим полномочия «Совета Экспертов» и ограничиваются, поэтому отнести его к аналогам Специального Собрания нельзя, поскольку он выступает не в качестве инструмента влияния индивида на решение стратегических вопросов, но в роли устойчивого механизма, обеспечивающего прозрачную передачу власти Высшего Руководителя и контроля за его деятельностью.

«Совет Стражей Конституции» выполняет функции Контролёра по обеспечению работоспособности государственных систем, поскольку его деятельность направлена на проверку законов и решений верховной власти Ирана на соответствие, собственно, Конституции. В этом смысле его деятельность «ориентирована» на государственный аппарат, поэтому сопряжена с исполнением формализующей функции государства и носит, если так можно выразиться, более «юридический» характер. Назначение членов «Совета Стражей Конституции» находится в компетенции Высшего Руководителя.

Сам Высший Руководитель в выполнении своих обязанностей руководствуется по большей части не юридическими или государственными соображениями, но духовными, религиозными, методологическими концепциями, принимаемыми при консульта-

ции с «Советом Целесообразности». То есть его деятельность по своему характеру сходна с сознательным управлением социальной системой. Помимо этого, в силу своего религиозного положения, в силу особой роли главнокомандующего вооружёнными силами Ирана, существование Высшего Руководителя является удовлетворяющим выполнению ещё и объединительной функции государственной власти.

Всё это позволяет сказать, что Высший Руководитель является практически полным аналогом Контролёра в модели «ИКЯС».

Почему только «практически»? Для полного соответствия существуют две очень незначительных помехи. Прежде всего, возможность Контролёра являться одновременно и главнокомандующим — вопрос дискуссионный. Во-вторых, очевидно, что на практике деятельность Высшего Руководителя, хотя и построена на сознательных самоограничениях от вмешательства в деятельность государственных властей, но часто является чрезмерно ориентированной не на исключительное воздействие на систему или экстренное вмешательство в чрезвычайной ситуации, но на решение текущих вопросов.

Последнее, впрочем, может быть рассмотрено как следствие унитарности государственного устройства и, соответственно, отсутствия принципов субсидиарности и широкой автономии в его основе. Здесь сам собой встаёт вопрос — а существовали (или существуют) ли общества, сочетающие в себе и федерализм в устройстве государства и наличие надгосударственных контролирующих структур одновременно? Ответ

на него положителен — да, попытка построения схожего государственного формирования имела место в истории человечества. Подобным государством являлся СССР.

СССР являлся федеративным государством, однако государственная власть не была организована в соответствии с принципами субсидиарности (социалистический метод хозяйствования не допускал равных прав между государственными и негосударственными структурами) и широкой автономии (несмотря на существование понятия «Автономной республики», Субъекты федерации, например, не имели широких прав по изменению собственной системы правоотношений).

Аналогом Контролёра в СССР являлась коммунистическая партия (ВКП(б), затем КПСС), хотя изначально она не являлась юридически оформленной частью государственного аппарата (первоначально её деятельность опиралась формально лишь на большинство представителей ВКП(б) в Советах и только позднее была включена в Конституцию). Несмотря на то, что деятельность коммунистической партии не была выделена в отдельную область (поскольку правовая система СССР не была основана на принципе сознательности), фактически она изначально занимала такое положение, положение особого надгосударственного органа. Поэтому роль, играемая Коммунистической Партией в СССР (а вернее даже, её политбюро) была весьма близка к роли Контролёра в модели «ИКЯС».

В СССР существовал и аналог Специального Собрания («И» в модели «ИКЯС») — Верховный Совет СССР. Хотя формально он считался аналогом традиционного парламента, но практический характер его деятельности (например, периодичность собраний, решение стратегических вопросов) в основном соответствует деятельности Специального Собрания. Кроме того, об этом же свидетельствует и деятельность Президиума Верховного Совета СССР, формально, однако, относившегося к исполнительной ветви власти.

Поскольку функции Президиума СССР (управление Советом Министров) и способ его комплектования (Верховным Советом) во многом схожи с функциями Ядра в модели «ИКЯС», Президиум СССР можно было бы назвать аналогом Ядра (и «идейно» он был к этому близок), однако этому мешает отсутствие в его деятельности элемента посредничества между различными элементами государственной и социальной системы, отсутствие координирующей деятельности. Это, впрочем, неудивительно в условиях, при которых государственный аппарат не является построенным в соответствии с принципами субсидиарности и широкой автономии.

Совет Министров между тем вполне может считаться аналогом Служб Ядра в модели «ИКЯС». Правовая система СССР была основана, в том числе, на принципе коллегиальности, свидетельством чему является высокая роль Советов всех уровней.

Итак, можно сказать, что в СССР существовали аналоги практически всех институтов модели «ИКЯС», за исключением Субъектов (поскольку по-

ложение Союзных Республик, не соответствовало положению Субъектов в модели «ИКЯС»): Контролёра (Партия), Специального Собрания (Верховный Совет), Ядра (потенциально — Президиум Верховного Совета), Служб Ядра (Совет Министров). Резонно встаёт вопрос — почему же тогда СССР распался? Может быть, его опыт свидетельствует о невозможности построения государства в соответствии с моделью «ИКЯС»? Ответ, однако, очевиден — СССР не обладал признаками модели «ИКЯС», указывающими на работоспособность в данном социуме механизмов самоорганизации:

1. Государственный аппарат не был организован в соответствии с принципами субсидиарности и широкой автономии.
2. Субъекты федерации не находились в равных правах с негосударственными структурами.
3. Социалистический метод хозяйствования, выраженный на практике в отсутствии предпринимательской деятельности и понятия «частной собственности» не мог обеспечить функционирование механизмов самоорганизации в экономической системе.
4. Деятельность Президиума Верховного Совета не носила посреднический характер, а в конце, вообще, стала распространяться не исключительно на Субъекты федерации, но на всю государственную машину.
5. КПСС не предпринимала никаких шагов по сознательному управлению культурой и социумом, не занималась поддержанием соответ-

ствующего мышления индивида и уровня его культуры, не занималась управлением процессами взаимодействия с культурами других образований, не осуществляла управление социумом через образовательную систему.

6. Деятельность КПСС не была основана на научное исследование опыта исторического развития человечества.
7. КПСС не занимала роль «гарантирующей» или «экспертной» инстанции, не ограничивала своё вмешательство в деятельность государственных структур, не была ориентирована на вмешательство в исключительных и непредвиденных ситуациях, но наоборот, всячески пыталась расширить своё воздействие на текущий государственный процесс.
8. Руководство КПСС не занималось поддержанием высокого уровня культуры её членов, не уделяло внимания необходимости наличия у них соответствующего мышления, но бездумно постоянно увеличивало численность Партии.
9. В государственной власти и внутри КПСС не были обеспечены механизмы ротации кадров, согласованные с общими процессами социальной мобильности.
10. Деятельность государства не была направлена на поощрение всяческих свобод.
11. Социалистическая идеология как таковая не могла обеспечить возможность существования империи сильной личности.

Всё это привело к утрате механизмами самоорганизации общества работоспособности, к затруднению социальной мобильности, к росту энтропии в социуме и, в конечном итоге, к прекращению существования государственной системы.

В момент формирования СССР историческое развитие России привело к созданию достаточно мощной социальной и экономической систем, готовых к кардинальным преобразованиям и построению индустриального общества, могущего впоследствии стать «аналогом» империей сильной личности, в силу наличия тенденции к росту социальной ответственности индивида. Несмотря на то, что такая ситуация и такой курс развития в целом поддерживались изначально, руководством не предпринималось серьёзных шагов по обеспечению достаточной социальной мобильности как внутри общества, так и внутри правящей группы. Поэтому в момент необходимости перехода общества (или наиболее развитой его части) на постиндустриальную, когнитивную стадию развития, оказалось, что государственный аппарат не обладал способностью к достаточной для этого перехода перестройке своей внутренней структуры без утраты государственной целостности. Руководством государства были сознательно предприняты меры для того, чтобы отложить этот переход на как можно более долгий срок, приведшие, в итоге, к неконтролируемому росту энтропии, например, в экономической системе были предприняты шаги по остановке процесса

её исторического развития, сохранению ручного труда, уменьшению количества населения, занятого в интеллектуальной и непроеизводственной сферах.

То есть деятельность КПСС и правящей группы была направлена не на достижение состояния общества, сходного с империей сильной личности, но на «консервацию» существующего положения вещей и обеспечить таким образом как можно более долгого собственного существования в качестве правящей группы.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в культуре. Несмотря на то, что в 1960-е годы СССР вплотную подошёл к возможности построения постиндустриального, когнитивного общества с устойчивой тенденцией к росту социальной ответственности индивида, ориентированного на космическое развитие, эта тенденция была не только не поддержана органами власти СССР, но наоборот, загублена, а попытка создать новые объединительные культурные ценности не только не увенчалась успехом, но и привела к разрушению существующих на тот момент.

Не будем забывать, что режим является продуктом социума. Поэтому результаты проводимой руководством СССР политики в отношении культуры вместе с самой этой политикой свидетельствуют о глубоком кризисе и упадке культуры Русской цивилизации (и русской культуры, как культуры титульного этноса) после первой половины XX века, в котором она находится и в настоящий момент, несмотря на незначи-

тельный всплеск общественной активности в результате экономических реформ сразу после распада СССР.

В этом смысле исключительность существования надгосударственных контролирующих структур в государственных образованиях указывает на то, что для существования таковых, фундаментально важно их **понимание текущего состояния культуры социума**. Устойчивость государственной и экономической систем и работоспособность в них механизмов самоорганизации обеспечиваются либерализмом в экономике, федеративной структурой государственного аппарата, поощрением деятельности негосударственных структур, и это прекрасно иллюстрируется примерами наиболее развитых стран. С другой стороны, в условиях существования объективных законов развития социума, наибольшее значение для надгосударственной контролирующей структуры (то есть, в широком смысле, для правящей группы) приобретает её способность исполнять объединяющие **весь социум** функции. Очевидно, что при большом количестве участников социальной и экономической систем (то есть при положении дел, сходном с таковым в наиболее развитых странах), достичь такой монолитности общества чрезвычайно трудно — в этом и состоит причина редкости государств, с имеющимися в них надгосударственными контролирующими структурами.

Для Европейской цивилизации подобным институтом когда-то являлась католическая церковь, однако затем она утратила это положение. То, что государ-

ство, сходное по своему устройству с построенным в соответствии с моделью «ИКЯС» и системой правоотношений для неё, до сих пор не было построено (и попыток построения такового не предпринималось) в наиболее развитых странах, свидетельствует о состоянии культур их обществ, о невозможности какой-либо социальной группы в них занять объединительное для всего социума положение, и, в широком смысле — об отсутствии соответствующего мышления у правящих групп в этих государствах, непонимание руководством различных социальных формирований роли культуры, играемой ею в общественной жизни, и неверное определение самого понятия культуры

Аналогичное заметно и на примерах таких государств, как Иран и СССР. На их примерах, кроме того, можно сделать вывод о том, что устройство государственного аппарата, не ориентированное на нахождение социальной системы в устойчивом состоянии с большим количеством участников, дополнительных институтов и функционирующими механизмами самоорганизации является рудиментарным для обществ с большим количеством населения.

Пример же СССР, однако, не свидетельствует о невозможности существования постиндустриального общества с надгосударственными контролирующими структурами и развитыми институтами прямой демократии как такового, не говорит о принципиальной невозможности построения государства, сочетающего в своём устройстве «плюсы» централизованных и де-

централизованных систем, то есть не указывает на невозможность реализации в каком-либо государстве модели «ИКЯС» с системой правоотношений для неё.

Наоборот, пример СССР ещё раз подчёркивает тезис, определённый в самом начале рассуждений о построении модели «ИКЯС» — поскольку режим является продуктом социума, существование государства, построенного в соответствии моделью «ИКЯС» и системой правоотношений для неё должно являться следствием состояния данного локального социума и удовлетворением потребности общества в формализации империи сильной личности государственным аппаратом.

Итак, для возможности долгосрочного существования федеративного государства с развитыми институтами прямой демократии и надгосударственными контролирующими структурами, для долгосрочного существования в каком-либо (в данный момент, постиндустриальном, а лучше — когнитивном) социуме государства, построенного в соответствии с моделью «ИКЯС» и системой правоотношений для неё, необходимы:

1. Работоспособность механизмов самоорганизации, простота социальной мобильности и большое количество элементов во всех подсистемах социума (включая необходимый уровень его децентрализации).

2. Устойчивая тенденция к росту социальной ответственности индивида (подразумевающая потребность индивида в существовании надгосударственных объединительных и контролирующих структур).
3. Возможность выделения «идеологических» органов из государственного аппарата (то есть возможность существования надгосударственных объединительных и контролирующих структур как таковых).
4. Способность правящей группы к объединению действительно всего социума, всех участников социальной системы вокруг себя (то есть способность правящей группы сформировать надгосударственную объединительную и контролируемую структуру).
5. Способность правящей группы к перестройке своей внутренней структуры в соответствии с изменением состояния социума (то есть способность надгосударственной контролирующей и объединительной структуры существовать без ущерба для своей целостности и работоспособности механизмов самоорганизации в социуме).
6. Мышление правящей группы, предполагающее:
 1. Управление государством частью управления социумом.
 2. Культуру наиболее важной характеристикой индивида и социума, влияние на культуру данного социума наиболее продуктивным

способом управления им, а управление образовательной системой, в свою очередь, наиболее продуктивным способом влияния на культуру.

3. Самоограничения от постоянного воздействия на деятельность государственного аппарата.
4. Действия, направленные на поддержание одновременно и работоспособности механизмов самоорганизации в социальных системах и состояния культуры социума.
7. Поощрение правящей группой и государственным аппаратом всяческих свобод индивида.